

ВѢСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

Изданіе Центрального Бюро Заграничныхъ Групп
Крестьянской Россіи.

№ 2-3

Апрѣль

1925 г.

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

Передовая: Ставка на деревню.
Ельчинскій: „Лицомъ к деревнѣ“
Сергій Маслов: Соціализм и „Крестьянская Россія“
Малолѣтневъ: Общ. значеніе коопераціи.
А. Шилков: Еще одна авантюра.
Вѣсти из Россіи: А. В. Положеніе интеллигенци.

Из загр. жизни: Н. Быстров. Аграрныя реформы
в Европѣ. — Гр. Бренев. Крестьянство и его
полит. организація в Финляндіи.

Из жизни организацій „Крест. Россіи“
Объявленія.

Ставка на деревню.

Усиленные толки о ростѣ активности русской деревни продолжаютъ. Вниманіе руководящихъ политическихъ силъ в Россіи и за границей сосредоточивается сейчасъ на крестьянствѣ и всѣ политическіе расчеты связываются с тѣм или инымъ поведеніемъ его.

Большевики первые выдвинули этотъ вопросъ, превративъ его в злобу дня. Мастера по части демагогическихъ приѣмовъ и шумныхъ лозунговъ, они сумѣли и на этотъ разъ обнаружить эти свои качества и брошенный со страницъ прессы призывъ «лицомъ к деревнѣ» сталъ дѣйствительнымъ лозунгомъ дня для всѣхъ центральныхъ и мѣстныхъ коммунистическихъ организацій. Помогло, в данномъ случаѣ, не одно искусство в демагогіи. Тотъ шумъ, которымъ сопровождается новое большевицкое выступленіе, носитъ на себѣ особый отпечатокъ.

Своимъ «лицомъ к деревнѣ», руководители большевицкой политики, затронули самое больное, самое уязвимое мѣсто в жизни современной Россіи, сдѣлавъ это подъ давленіемъ неотложной нужды, подъ напоромъ приближающагося финансово-экономическаго краха и растущаго разстройства всего государственнаго механизма. Одновременно с этимъ надвинулась опасность с другой стороны: стала все чаще и настойчивѣе давать о себѣ знать возросшая активность деревни; ея требовательность в отстаиваніи своихъ

исконныхъ интересовъ, стремленіе расширить свои права, организованный отпоръ насилію вплоть до открытыхъ выступленій и террора и, наконецъ, особенно смутившіе правящую власть факты политической самоорганизаціи крестьянства и широкая распространенность среди него идеи своего «крестьянскаго союза».

Отсюда понятно, почему поднятый большевицкой прессой шумъ о деревнѣ не могъ не найти и нашелъ сильный резонансъ в странѣ и далеко за предѣлами ея и почему, в отличіе отъ ихъ прежнихъ фронтовъ, этотъ новоявленный фронтъ неизбѣжно превратится в затяжной, грозящій большими и роковыми осложненіями.

Пока что мы присутствуемъ лишь при началѣ процесса. Но и сейчасъ уже видны основныя черты его и с опредѣленностью вырисовываются дальнѣйшія перспективы.

С одной стороны, с совершенной очевидностью вскрывается полное безсиліе коммунистической власти воплотить хотя бы частично в жизнь выкинутый лозунгъ, невозможность перейти отъ словъ к дѣлу: стать не «лицомъ к селу», а, по выраженію одного крестьянина, «дѣломъ к селу».

«Дѣла», конечно, никакого не можетъ получиться по той простой причинѣ, что это означало бы пойти на уступки антикоммунистическому крестьянству в важнѣйшихъ сторонахъ общественно-экономи-

ческой жизни и тѣм ускорить внутренній взрыв. Ибо для диктаторской власти малѣйшая уступка, частичная сдача позиции всегда будет началом конца и притом скорого, катастрофическаго конца.

Но игра с огнем даром не проходит. И мы видим, как наряду с безплодными потугами большевиков выйти из опаснаго стоянія «лицом к деревнѣ», усиливается благодаря этому, напор самой деревни, все больше и больше нарастают ея требовательность и активность. Пропаганда совѣтской прессы и ея агентов, пропаганда шумная и назойливая, не может проходить безслѣдно, не нарушая мирнаго обихода деревенской жизни. Безпомощность же и растерянность мѣстных заправил и представителей власти при проведеніи в жизнь директив из центра о мѣрах единенія с деревней еще болѣе усиливает броженіе в умах и укрѣпляет деревню в ея сознаниі своего центральнаго положенія в судьбах страны.

Таков неизбежный и положительный результат большевицкой ставки на деревню. Выдвинутая, как крайняя мѣра, в поисках спасенія, от вплотную придвинувшейся опасности, эта ставка других результатов не даст и будет бита, как бы ни велика была самоувѣренность большевицких лозунгов и как бы ни велико было желаніе хитрыми словами заговорить призрак вызваннаго духа.

Шум, поднятый большевицкой пресой, нашел сильный резонанс за границей в руководящих эмигрантских политических группировках. Вопрос о роли крестьянства в будущих судьбах Россіи не сходит со страниц прессы и ставка на деревню дѣлается все болѣе и болѣе популярным пунктом программных построеній. Из множества примѣров отмѣтим на этот раз два.

Пред нами мнѣніе російской соц.-дем. рабочей партіи (меньшевиков), изложенное в рядѣ статей, замѣток и проекта программной платформы на страницах центр. органа «Соціалистическій Вѣстник»^{*}). Здѣсь не мѣсто разбирать по существу аграрныя требованія, которыя кладут нынѣшніе меньшевики в основу своей аграрной программы.

Вопрос сейчас идет об оцѣнкѣ того явленія, которое они сами называют «новым крестьянским движеніем». Оцѣнка

эта сдѣлана в весьма рѣшительных выраженіях.

Подъемом крестьянскаго движенія, ростом активности крестьянства «поставлена под вопросом самая сущность диктатуры», «ликвидация большевицкой диктатуры началась». «Если свобода не дана будет сверху, крестьянство освободит себя снизу — этому порукой исторія крестьянских движеній во всѣх странах міра». И затѣм еще: «под влияніем общественных движеній в деревнѣ — рост политической активности в городах, неуверенность, колебанія, разслоеніе правящей партіи...»

Как видите, картина революціоннаго движенія, с деревней в центрѣ и во главѣ. И что это именно революція, а не что иное, слѣдуют пояснительныя строки: «мы чужды упорно приписываемым нам маниловским разсчетам на «мирную» и гладкую «эволюцію» большевиков; мы не сомнѣваемся, что уступит большевицкая диктатура только силѣ».

Отсюда естественна для социал-демократической партіи попытка построить свою тактику на крестьянствѣ, сдѣлать «ставку на деревню». Меньшевицкіе писатели в «Соціал. Вѣстникѣ» так и поступают, выдвигая платформу ближайших крестьянских требованій о свободно-избранных совѣтах, демократизации совѣтской конституціи и проч.

Но, прописав всѣ вышеприведенныя слова, вызвав дух революціи, идущій из деревенской Россіи, меньшевики кончают сомнѣніем и такими оговорками, которые в корнѣ убивают и объективность их анализа и всякій смысл их ставки на мужика.

Прежде всего, оказывается, что хотя крестьянство и освободит себя снизу и что в этом порукой всемірная исторія, но «другой вопрос, какой политической режим вырастет на почвѣ такого крестьянскаго движенія».

Дѣло в том, что хотя большевики уступят силѣ и этой силой, как сказано выше, явится крестьянство, но «мы не считаем ни вѣроятным, ни желательным, чтобы этой силой оказалась крестьянская антигородская (а потому объективно и антидемократическая) стихія. Мы считаем и возможным и желательным, и потому, как партія, направляем в эту сторону свои усилія, чтобы этой силой оказались организованные трудящіеся элементы городов, которые, и мѣ я за собой крестьянское движеніе, окажутся способны объединить элементы различ-

^{*}) См. в № 2, 4, 5, 1925 г., статьи: «Крестьянство и кризис диктатуры», «Вокруг мужика», «Эсеры и крестьянство», «Социал-демократія и новое крестьянское движеніе».

ныхъ направлений, вплоть до демократическихъ, разочаровавшихся в диктатурѣ элементовъ коммунизма».

Вот, с Божью помощью, какой поворот. Воистину, только русскій меньшевицкій ум можетъ вмѣстить такую тактическую линію.

С одной стороны, деревня, на плечи которой взваливается цѣликомъ задача освободительной борьбы и которая эту борьбу уже ведет, выдвигая демократическія требованія, которыя с успѣхомъ можно включить в свою социал-демократическую платформу, эта же деревня, с другой стороны, оказывается варварской антигородской стихіей, «объективно и антидемократической», а потому должна быть отдана под чужое водительство и явиться пушечнымъ мясомъ революціи.

Крестьянство или, какъ выражается «Соціал. Вѣстникъ», «милліоны деревенскихъ хозяйчиковъ» поступаютъ под политическое водительство городского пролетаріата, включившаго в свои ряды новый слой — демократов-коммунистов. Этот пролетаріатъ долженъ быть, какъ разъяснял меньшевикъ Данъ Ленину еще 4 года назад, «не только другомъ и союзникомъ, но и руководителемъ» крестьянства.

Нѣтъ надобности оснаживать старый узко-марксистскій со специфическимъ налетомъ меньшевизма взглядъ на деревню. Исторія пережитыхъ лѣтъ ничему не научила эту категорію людей. По прежнему предъ ихъ очами — пролетаріатъ-богоносецъ и по прежнему с опаской и презрительно поглядываютъ они на деревню.

Никчемными, внутренне-противорѣчивыми оказываются, поэтому, всѣ ихъ разговоры о ростѣ политической активности деревни, о новомъ крестьянскомъ движеніи проч. Никчемна и ихъ теперешняя ставка на деревню.

Крестьянство, на плечи котораго исторія наваливаетъ всю тяжесть разрѣшенія русской проблемы, имѣетъ и найдетъ внутри себя достаточно творческихъ силъ, чтобы не отдаться слѣпо на чужое попеченіе, под чужое водительство. Сумѣетъ оно и разрѣшить проблему взаимоотношеній с городомъ не на почвѣ подчиненія ему, а свободнаго сговора и сюза с истинно демократическими слоями его.

Изъ социалистическаго эмигрантскаго лагеря перенесемъ в противоположный — лагерь право-монархическій. Тутъ тоже большое оживленіе в связи с толками о крестьянствѣ, о начавшейся борьбѣ с большевиками и проч.

До послѣдняго времени разнообразныя правые круги, вплоть до тѣхъ, которые сорганизовались вокругъ императоровъ Николая III и Кирилла I, вводили в свои программы в соотвѣтственной формѣ пункты, касающіеся крестьянства. Нерѣдко аграрныя требованія выдвигались ими на первый планъ с явнымъ подчеркиваніемъ отказа отъ старо-помѣщичьихъ возжелѣній («земля — народу», «к старому возврата нѣтъ» и проч.). В программахъ или манифестахъ Кирилла I и в заявленіяхъ Николая III «ставка на деревню» заявлена совершенно ясно; нужды крестьянства стоятъ не только на первомъ планѣ, но и сопровождаются демагогически разукрашенными обѣщаніями.

При всемъ томъ замѣчалась крайняя нерѣшительность в политическихъ требованіяхъ («ни царь, ни республика, а будь что будетъ») или, на худой конецъ, согласіе возглавить монархію в Россіи, «если мужикъ позоветъ».

За послѣднее время нерѣшительность замѣтно исчезаетъ, туманныя обѣщанія замѣняются опредѣленными лозунгами и даже дѣлаются попытки открыто ввязаться в происходящую в Россіи борьбу.

Кромѣ «всероссійскаго» крестьянскаго союза в Прагѣ, затѣмъ существующей тамъ же правой организаціи «Русскій Земледѣлецъ», намъ рвущающейся превратиться во всероссійскую земледѣльческую партію, особенно характерна попытка «николаевцевъ», которой мы посвящаемъ в этомъ номерѣ специальную замѣтку.

Не ожидая, когда «мужикъ позоветъ», группа лицъ в Парижѣ, в орбитѣ Николая III вращающихся, объявила себя обладательницей мандата отъ всероссійскаго крестьянскаго союза, имѣющаго тамъ, в Россіи, уже выбранное крестьянское правительство, которое успѣло даже переговорить с большевиками о сдачѣ ими власти, впрочемъ, с отрѣзаніемъ, в результатѣ переговоровъ, языковъ своимъ собесѣдникамъ. И проч., и т. д.

Если принять во вниманіе, что во главѣ всего этого дѣйства стоитъ заграницей никто иной, какъ Григорій Алексинскій, слишкомъ извѣстный в эмигрантскихъ кругахъ, что это дѣйство носитъ характеръ откровенной, грубѣйшей демагогіи, то, пожалуй, не стоило бы и удѣлять ему вниманія, какъ и вообще подобнаго рода явленіямъ.

Однако, такое отношеніе врядъ ли справедливо. Какъ ни грубо фальшивы заграничныя мандаты отъ всероссійскаго кре-

стьянства и попытки говорить от имени его, как ни безобразны и отталкивающие всѣ эти затѣи, но считаются с ними все-таки приходится.

Если несомнѣнно лживо утверждение, что крестьянство спит и видит только царя и благосклонно к помѣщикам, то факт существованія среди многомилліоннаго населенія слоев, гдѣ не исчезли симпатіи к старым порядкам, оснашивать не приходится. И нельзя не учитывать, что попытки организовать эти элементы, чтобы вмѣшаться их в предстоящую освободительную борьбу, могут рассчитывать на извѣстный успѣх.

Заслуживает вниманія и другая сторона дѣла. В Россіи накопилось много горячаго матеріала, продолжается партизанская борьба, растет число крестьянских союзов в разных мѣстах и независимо друг от друга и много революціонных элементов бродит по стогнам ея и выброшено за предѣлы ея. Этот здоровый, в своем чувствѣ ненависти к большевикам элемент, мало разборчив и неопытен в дѣлах политических партій и их программ. Демагогія здѣсь имѣет благодатную почву, а опытные демагоги - дѣль-

цы, какими являются правые, — благодарную аудиторію.

* * *

Итак, «ставка на деревню» дѣлается лозунгом самых разнообразных партій и направлений.

Для нас, которые уже болѣе трех лѣтъ неустанно твердили о неизбѣжно опредѣляющей роли крестьянства в грядущих судьбах Россіи, для нас теперешніе толки о крестьянствѣ в средѣ эмиграціи, так же, как и большевицкая ставка на деревню не являют собою чего-либо неожиданнаго и непонятнаго.

В них мы видим отраженіе глубокаго и отраднаго процесса, происходящаго в народных глубинах, процесса раскрѣпченія деревенской Россіи, а через нее и всей страны.

И при этом нас мало смущают попытки с разных сторон навязать свой ярлык и свою волю этому процессу, всѣ эти разнообразные ставки на деревню.

Ибо мы твердо увѣрены, что только та ставка не будет бита, которая рассчитана на интересы громаднаго большинства населенія — трудового крестьянства — и на своем знамени имѣет начала свободы и демократіи.

„Лицом к деревнѣ“

Лозунг этот сравнительно недавно провозглашен большевиками и теперь буквально нѣтъ ни одного номера совѣтских газет, чтобы на эту тему не было статьи или хотя бы небольшой замѣтки.

Мы имѣем, кажется, всѣ основанія предполагать, что деревней большевики заинтересовались «всерьез и надолго».

Причин, заставляющих большевиков стать «лицом к деревнѣ» много и всѣ их перечислить в короткой статьѣ невозможно. Главнѣйшая же из них, нам кажется, заключается в том, что событія послѣдняго времени внутри и внѣ Россіи повернулись не в пользу большевиков; наоборот, чѣм дальше, тѣм больше они складываются против них. Объявленная большевиками «на завтра» всемірная революція явно гдѣ-то застряла и заставляет себя ждать больше того, чѣм это полагалось по программѣ.

Большевики в сроках просчитали, это теперь очевидно. Они основывали свои расчеты на постоянном под'емѣ недовольства пролетаріата и, в связи с этим, на увеличеніи и усилении коммунистических рядов в послѣвоенной Европѣ. Так это вначалѣ и было, но теперь не то: большевизм в европейских

странах идет на убыль, а, кромѣ того, и качество его мѣняется: большевизм выцвѣтает и блѣднѣет. Совершается предсказанное: порожденный войной и экономической сумятицей, с замирением стран и восстановленіем экономических ресурсов, большевизм медленно, но неуклонно сдает свои позиціи и постепенно хирѣет. Чѣм дальше, тѣм меньше он способен оказывать поддержку московским большевикам и тѣм меньше надежд на скорый приход коммунистической революціи в Европѣ.

Большевики, однако, всегда твердили, что их побѣда в Россіи тогда только может считаться окончательной, когда произойдет, если не всемірная, то, по крайней мѣрѣ, европейская социалистическая революція. А она послѣдними событіями отодвигается все дальше. Послѣднее обстоятельство естественно волнует большевиков, заставляя серьезно опасаться за свою дальнѣйшую судьбу и искать путей укрѣпленія.

Тревога увеличивается неспокойным состояніем внутри страны. Снова зашевелился самый опромный социальный ея пластъ — крестьянство, и зашевелился на этот раз как-то по новому: не разрозненными вспыш-

ками и бунтами, которые большевики умѣют отлично подавлять, а стихійным устремленіем к активности, к политическому единству и к полному отказу от коммунизма.

Эти грозныя проявленія политической жизни и активности в деревнѣ, теперь большевики не скрывают. Только на - днях об этом сдѣлал заявленіе Каменевъ в послѣднем пленумѣ Московскаго Совѣта («Экон. Жизнь», 11 марта). По его словам, крестьяне требуют: «10 часов рабочаго дня для городских рабочих (которые - де работают слишком мало, а жалованье получают большое), свободы печати, (у пролетаріев - де, есть свои газеты, надо и крестьянам имѣть свои газеты), крестьянскаго союза (если у рабочих есть профессиональные союзы, почему бы и крестьянам не имѣть свой союз)». О таких требованіях деревни говорят многочисленные корреспондентці с мѣст. Неспокійствие и движеніе в крестьянствѣ свидѣтельствуют и тѣ убійства селькоров, которыя приняли какой - то эпидемической характер.

Вот в этих событіях, нам кажется, и лежит объясненіе происхожденія лозунга и завязка новаго «рабоче - крестьянскаго» романа, который большевики хотят обязательно навязать деревнѣ, превратив его в дальнѣйшем в законное сожительство.

Что революція в затишьи и надо перейти от наступленія к оборонѣ, что одними коммунистическими силами, при всеобщей к ним ненависти, до прихода революціи, поддержать трудно и что, слѣдовательно, необходимо найти подходящаго союзника, или по крайней мѣрѣ, нейтрализовать враждебныя им политическія теченія — все это большевики понимают и разногласій по этим вопросам среди них не существует.

Но кого выбрать союзником? Как и на каких условіях заключить с ним союз? Что оставить из завоеваній революціи и что выбросить, как хлам? В этих пунктах среди большевиков существуют разногласія и даже образовалось два теченія, на которых слѣдует нѣсколько остановиться.

Зиновьев, который разыгрывает теперь роль истолкователя изреченій и заклинаній Ленина и правовѣрные большевики, т. н. «ленинцы», говорят, что Ильич затишье предвидѣл и на это время завѣщал союз с крестьянством, поладив с которым, можно окопаться и ждать, как угодно долго прихода мировой или европейской революціи, не отступая от «завѣтов октября». Оппозиціонное «ленинцам» теченіе, «троцкисты», оспаривают такое положеніе и настаивают на необходимости не только искать союзни-

ка, но и пересмотрѣть самые размѣры революціи, переведя ее с рельс международных на рельсы національныя, со всѣми, отсюда вытекающими, послѣдствіями.

В статьѣ Бухарина «Новое откровеніе в совѣтской экономикѣ или как можно погубить рабоче - крестьянскій блок» («Правда», 12 декабря 1924 г.), мы находим по этому вопросу слѣдующія любопытныя строки: «Тов. Троцкій выступил «с уроками Октября» (цитируем сокращенно, с пропусками), гдѣ подняты глубочайшей важности вопросы, которые являются рѣшающими для всей нашей партіи... А осью, около которой вертятся всѣ эти, сами по себѣ, крупнѣйшіе вопросы, является проблема рабоче - крестьянскаго блока. Ученіе о рабоче - крестьянском блокѣ есть существеннѣйшая оригинальная черта ленинизма. Работа Троцкаго — попытка пересмотрѣть основы ленинизма.

Затишье в революціи, по Ленину, вещь смертельная, по Троцкому — гибель революціи.

Ленин учил: конфликт рабочаго класса с крестьянами вовсе не неизбѣжен; по Троцкому конфликт обязателен.

Ленин учил: наше спасеніе в том, чтобы ужиться с мужиками; это вполне можно сдѣлать и тогда, при самых долгих ожиданіях побѣд, можно утвердиться и укрѣпиться. У Троцкаго: гибель пролетаріата неизбѣжна, если не будет скоро мировой побѣды; пролетарій погибнет под ударами широких масс крестьянства.

У Ленина — крестьянство на всем протяжении переходнаго періода должно явиться неизбѣжным союзником рабочаго класса, хотя и ворчливым. У «перманентиков» (процистов) крестьянство обязательно должно превратиться во врага рабочих.

У Ленина, в связи с этим, вытекает теорія «аграрно - кооперативнаго социализма».

Из приведенных Бухариным антитез не трудно усмотрѣть, что расхожденіе между «ленинцами» и «троцкистами» весьма серьезное и может не только посорить их, но и расколоть на двѣ враждебныя партіи.

Пока побѣда принадлежит «ленинцам» и они провозгласили новый лозунг «лицом к деревнѣ». Под этим лозунгом идет теперь обхаживаніе мужика.

На этом можно и закончить отвѣт на вопрос: что заставило большевиков обернуться «лицом к деревнѣ»?

Переходим теперь ко второму вопросу: действительно ли большевики рѣшили пойти на серьезныя реформы в дѣлѣ устройства деревни, во имя привлеченія ея на свою сторону в качествѣ союзника? Чтобы отвѣ-

тить, надо пересмотрѣть обѣщанія, которыя большевики выдали крестьянам, в связи с провозглашенным лозунгом.

Обѣщанія эти, в видѣ цѣлой программы, развиты Зиновьевым в «Правдѣ» от 13 января 1925 г., в огромной статьѣ, озаглавленной: «Пролетаріи и крестьянство. Что означает лозунг «лицом к деревнѣ»? Статья была перепечатана цѣлком или в выдержках во всѣх совѣтских газетах и ее, поэтому, надо расцѣпывать, как декларационную.

В этой статьѣ читаем:

«Ленин писал в одной из статей 1921 г.: «Коммунизм—авангард пролетаріата. Коммунистическая партія руководит безпартійной массой рабочих, просвѣщая, подготавливая, обучая, воспитывая эту массу — сначала рабочих, а затѣм и крестьян». В настоящее время коммунисты вполне овладѣли рабочими массами; слѣдовательно, первая половина ленинской формулы выполнена и теперь мы подошли вплотную ко второй половинѣ формулы. Ленина: «а затѣм и крестьян». . . . Надо понять и отдать себѣ отчет в том, что означает лозунг «лицом к деревнѣ». Лозунг ни в коей мѣрѣ не является вульгарной ловлей крестьянских голосов. Дѣло идет не о том, чтобы просто «агитнуть» в крестьянствѣ. И лозунг этот не означает «крестьянского уклона. . .» Нѣтъ, именно широко понятыя, т. е. по-ленински понятыя, интересы подлиннаго закрѣпленія диктатуры пролетаріата требуют теперь того, чтоб партія ориентировала свою политику «лицом к деревнѣ». . . . «Лицом к деревнѣ» всерьез, надолго и навсегда, есть лозунг не только всерьез и надолго, но можно даже сказать «навсегда», т. е. до тѣх пор, пока социализм не побѣдит у нас окончательно, станет реальностью в полном смыслѣ этого слова. . . . Прочность рабоче-крестьянскаго блока теперь опредѣляется, в первую голову, если не исключительно, хозяйственными успѣхами.

. . . Было время, когда прочность союза рабочих и крестьян опредѣлялась ходом гражданской войны. . . . А в теченіи послѣдних лѣтъ крѣпость эта опредѣлилась нашей международной политикой. . . . Сейчас рабоче-крестьянскій блок проходит через испытанія на хозяйственном и культурном фронтѣ (школа). . . . Если мы будем вести правильную ленинскую позицію, если наш политическій подход к крестьянству будет вполне правилен, побѣда окончательно будет наша. А, пока что, вопрос всѣх вопросов заключается именно в том, чтоб сумѣть благополучно провести рабоче-крестьянскій блок и через нынѣшнюю фазу взаимоотношеній рабочих и крестьян.

Отсюда вытекают слѣдующія основныя практическія задачи нашей политики в деревнѣ:

1. Политика цѣн. Сниженіе цѣн на продукты городской промышленности во что бы то ни стало.

2. Вопрос землеустройства и землепользованія. Сдѣлать абсолютно все необходимое для того, чтобы формой землепользованія обезпечить крестьянину большую прочность хозяйства.

3. Улучшить политическую обстановку в деревнѣ. Обезпечить крестьянству возможность проводить значительное количество безпартійных в эти совѣты. Повести систематическую кампанію против произвола и за совѣтскую законность.

4. То же в еще большей степени относительно кооперации. Подлинное добровольчество и настоящая выборность.

5. Серьезная реформа в области налоговой системы.

6. Серьезно поставить и разрѣшить вопрос о сниженіи накладных расходов Внѣшторга.

7. Автономная сельская школа.

8. Массовая крестьянская газета.

9. Деревенскій комсомол.

10. То же в дѣлѣ работ среди крестьян».

Как видим из приведенных доводов и пунктов зиновьевской декларации, она касается многих весьма существенных вопросов и, при добром желаніи в извѣстных условиях, могла бы послужить основой широкой программы не только экономических, но и политических реформ. Весь вопрос — в искренности большевиков, в способности их провести намѣченную программу в жизнь, а также в том — удовлетворит ли она просыпающуюся деревню, и все ли намѣченное в программѣ в интересах крестьянства.

Разберем по пунктам всѣ зиновьевскія обѣщанія.

Начнем с 1-го пункта — со сниженія цѣн на продукты городской промышленности во что бы то ни стало.

Это обѣщаніе, нам кажется, относится к обѣщаніям весьма проблематичным. Зиновьев лучше бы сдѣлал, если б вмѣсто простаго обѣщанія «сниженія цѣн во что бы то ни стало», разсказал бы, как это он думает сдѣлать. Если бы обѣщалось сниженіе цѣн для какой-либо сравнительно небольшой группы, оно было бы исполнимо. Но в декларациі рѣчь идет о крестьянствѣ, которое составляет 85% всего населенія страны и которое в привилегированное положеніе не поставитъ, так как некому будет покрыть за него убытков.

Чтобы снизить продажныя цѣны товаров, в этом случаѣ, надо снизить их себѣстоимость. Как это сдѣлать? Тут возможны, конечно, героическія мѣры, как удлиненіе рабочаго дня и сниженіе заработной платы. Но на такія мѣры, большевики пойти не могут, так как это значит, возбудить против себя и тѣх рабочих, которые до сего времени были лояльными к совѣтской власти, т. е. подрубить под собой и тот послѣдній сук, на котором держатся... Возможно понизить себѣстоимость фабрикатов под'емом производительности труда, при помощи улучшенія и обновленія техническаго оборудования, но большевикам эти мѣры не под силу, так как на это у них нѣтъ достаточных средств, а заем за границей пока что не удастся... Возможно удешевленіе издѣлій промышленности путем лучшей организациі предприятий при существующем оборудованіи, но этот путь многого не дает, а итти по нему при «урегулированном» народном хозяйствѣ очень трудно.

С обѣщаніем по второму пункту дѣло обстоит, на первый взгляд, значительно лучше. Обеспечить крестьянину большую прочность хозяйства, конечно, возможно, но для этого необходимо, между прочим, признать право частной собственности для крестьянских земель, организовать кредит, уменьшить налоги на сельское хозяйство, отказаться от выпуска обезцѣнивающихся денег, поставить дѣльно агрономическую помощь, дать простор для творческой кооперативной работы в деревнѣ, открыть для крестьянскаго хозяйства свободные и удобные выходы на міровой рынок и т. д., и т. д. Требуется цѣлая система мѣр, которая может быть проведена только в определенной политической и экономической обстановкѣ, отсутствующей в Россіи. Одно улучшеніе землевладѣнія и землепользованія тут может помочь мало. Но устойчивость и в этих земельных отношеніях требует той атмосферы законности и права, которой нѣтъ и быть не может в странѣ, управляемой при помощи голаго насилия со стороны ненавистной народу власти.

Совсѣм плохо обстоит дѣло с обѣщаніями, формулированными в 3-м пунктѣ. Улучшить политическую обстановку в деревнѣ при коммунистическом режимѣ легко обѣщать, но невозможно выполнить. Обеспечить крестьянам возможность проводить значительное количество безпартійных совѣты — с этим еще совѣтскій центр не без труда, но справится, если искренно захочет, а вот провести успешно систематическую кампанію против произвола и за власть закона он едва ли сумѣет. Во всяком случаѣ в этом можно сильно сомнѣваться. Не надо

забывать, что произвол то этот и нарушеніе «совѣтской законности» чинят не кто иные, как совѣтскіе же агенты, члены Р.К.П., огромное большинство которых только потому и состоит в партіи, что послѣдняя дает им возможность продѣлывать безнаказанно эти беззаконія. Тут мы сталкиваемся с коренным, органическим дефектом в управленіи «рыкапы», сколько бы честные коммунисты (а такіе конечно есть) этим не возмущались. Ленин как то сказал про свою партію, что в ней 35% дураков, 60% мерзавцев и только 10% идейных. Попробуйте ка выкинуть эти 90% мерзавцев и дураков. Много ли тогда коммунист' останется в коммунистической партіи и сможет ли она в таком случаѣ удержать в своих руках власть? А вѣдь этот послѣдній вопрос для Зиновьевых куда важнѣе вопроса о благоденствіи деревни.

Не вѣрится в обѣщанія и по 4-му пункту. «Подлинное добровольчество и настоящую выборность» в кооперациі большевики не допустят, т. к. такая кооперациа, они это хорошо знают, пойдет против них и может скоро оказаться центром, около котораго соберутся всѣ живыя силы страны, чтоб рано или поздно задушить коммунизм.

Говорить о сниженіи налогов в том числѣ и о сниженіи накладных расходов Внѣшторга при одновременном обѣщаніи улучшить административный аппарат, ввести «хорошую сельскую школу», создать массовую крестьянскую газету и расширить деревенскій комсомол (этот послѣдній вѣдь тоже дененг стоит!) — это просто дурно шутить. Чтобы понизить налоги, надо отказаться от каких то расходов. От каких же расходов думает отказаться Зиновьев? Уже не от тѣх ли 200 милліонов золотых рублей, которые он получает (как это утверждает заграничная русская пресса) в безконтрольное распоряженіе на коммунистическую пропаганду за границей. Не могут также большевики уничтожить или сократить расходы на содержаніе Г.П.У., войск особаго назначенія, арміи, т. к. их ослабленіе является ослабленіем Совѣтской власти. Имѣется одна лишь возможность сокращенія расходов — это сжать культурно-общественныя функціи государства — народное образованіе, агрономическую и медицинскую помощь, почту, телграф и т. д., но вряд ли это в интересах деревни.

Выполнить обѣщаніе об устройствѣ для деревни хорошей школы и о снабженіи деревни массовой крестьянскою газетой зависит также не от доброй только воли Зиновьевых, а еще от финансоваго состоянія государственнаго казначейства, т. е. в зна-

чительной степени от поступленія тѣх самых налогов, которые Зиновьев обѣщает понизить. Слѣдовательно, говоря об устройствѣ хорошей школы и крестьянской газеты, которые потребуют больших дополнительных расходов, трудно говорить о сокращеніи налогов. Кромѣ того, какую газету обѣщает Зиновьев? Если большевицкую, то в такой газетѣ вряд ли нуждается деревня, а газету свободную, обслуживающую за совѣсть крестьянскіе интересы, большевики дать не могут, равно как не могут дать и свободную школу, ибо свободная школа плюс свободная газета, пусть даже обслуживающія только интересы крестьянства, есть уже начало общественности, побѣда которой равносильна смерти большевизму.

Обѣщаніе облагодѣтельствовать деревню путем организациі там комсомола едва ли деревню особенно обрадует, хотя на это деньги у большевиков, конечно, найдутся. Деревня также нуждается в комсомолѣ, как здоровый человѣкъ в прививкѣ болѣзни. Деревня тѣм и сильна, что она не поддалась окончательной большевизациі, а выплюнула или переварила и комсомол, и всѣ другія коммунистическія затѣи. Поэтому то теперь за деревней большевики и ухаживают.

Вывод, который слѣдует из этого разбора пунктов Зиновьевской программы такой: вся декларациа рассчитана больше на агитационно-пропагандитскій эффект, чѣм на серьезное желаніе подойти к нуждам и запросам деревни. Скрытый мотив декларациі — стремленіе большевиков своими обѣщаніями внести в настроеніе деревни смутныя надежды, произвести в ней смуту и раскол, чтобы не дать ей завершить оформленія обозначившихся политических устремленій.

Что за этими обѣщаніями, кромѣ слов и скрытаго желанія расколоть крестьян, нѣтъ реального содержанія, видно хотя бы из того факта, что послѣ провозглашенія лозунга «лицом к деревнѣ» прошло уже не мало времени, а результатов никаких. Их и не будет, до тѣх пор, пока крестьянство само не овладѣет положеніем. Тогда, однако, рѣчь пойдет не об этих жалких уступках, о которых большевики вѣщают устами Зиновьева, а о большем: об упраздненіи всего большевицкаго режима.

В данном случаѣ большевикам можно посоветовать вспомнить рѣчь их «вождя и

пророка» — Ленина — на 1-м всероссійском с'ѣздѣ крестьянских делегатов 22 мая 1917 г., гдѣ он, между прочим, сказал: «Никогда миллионы людей не будут слушать совѣтов партій, если эти совѣты не совпадают с тѣм, чему их учит опыт собственной жизни».

А опыт собственной жизни учит крестьян, что вѣрить большевицким обѣщаніям нельзя и что с большевиками деревнѣ не по пути.

Если бы большевики серьезно рѣшили вернуться лицом к деревнѣ, надо было бы начать с раскрѣпощенія послѣдней, т. е. дать ей полную возможность организоваться и выявить свое политическое лицо, а тогда уже договариваться с ней, как с равноправной стороной. Между тѣм на эту тему, уже послѣ провозглашенія лозунга, один из диктаторской тройки — Каменев — заявил, что не может быть и рѣчи об удовлетвореніи политических требованій крестьян, т. е. нельзя дать им ни соорганизоваться в союз, как это деревня хочет, ни даже разрѣшить свою газету.

Лозунг «лицом к деревнѣ» правильнѣе понимать в том смыслѣ, что большевики заинтересовались деревней не в качестве своего союзника, а скорѣе, как главным внутренним врагом, который в непрерываемой войнѣ с ними перешел на какія-то новыя, прозныя для большевиков, позиціи и примѣняет в борьбѣ новыя приемы, опасныя величиной дѣйствующих масс и трудностью их физическаго подавленія.

Овладѣть этим сильным противником или на время обезсилить и задержать рост его и является в настоящее время настоятельнѣйшей цѣлью большевиков.

Выброшенный лозунг — только новый стратегическій маневр в отвѣт на подѣм политическаго самосознанія в деревнѣ. Осилить деревню в открытой борьбѣ большевикам оказалось не под силу и своими щедрыми обѣщаніями они пытаются теперь одолѣть ее на путях хитраго обмана, подкупа и разложенія.

Для этого, но только для этого, и потребовался заманчивыи лозунг с его 10-ю программными пунктами, появившимися лишь послѣ того, как деревня, успокоившаяся и притихшая послѣ НЭП'а, снова сдѣлалась неспокойной и политически - дѣятельной.

Ельчинскій.

Социализм и „Крестьянская Россія“.

Моя статья о «Крестьянской Россіи», помѣщенная в первом номерѣ «Вѣстника», вызвала письменные и печатные отклики. Среди двух десятков их, имѣющихся в распоряженіи редакціи и обычно высказывающих солидарность с положеніями статьи, выдѣляются два—один с недоумѣніем друга, другой—с раздражительностью и грубостью врага, не брезгающего средствами. Оба диссонирующіе отклика говорят об одном — о мѣстѣ, которое занимает социализм в идеологии «Крестьянской Россіи». Выясненію этого отношенія к социализму и посвящена настоящая статья — сначала в порядкѣ отвѣта на письмо друга, в дальнѣйшем, как отвѣт на статью врага.

1.

Наш недоумѣвающий друг пишет: «Есть какая то невязка с тѣм положеніем, которое было выставлено в первой книжкѣ сборников «Крестьянская Россія». Там социализм выставился в качествѣ регулятивной идеи, т. е. того послѣдняго критерія, на основаніи котораго будет даваться разрѣшеніе тѣх или иных проблем. Не касаюсь здѣсь спорнаго вопроса о самом содержаніи понятія «социализм»... Все же была нѣкоторая руководящая идея, сводящаяся в конечном счетѣ к представленію о будущем строѣ, желательнаго политической группировкѣ. Теперь, как будто, вычеркивается это понятіе. Что же дается на мѣсто его? Всестороннее развитіе человѣческой личности и ея многостороннее освобожденіе? Но в каких социально-экономических формах мыслится это развитіе?.. Конечно, нельзя утверждать, что именно в таких, а не иных жизненных формах утвердится *временное* воплощеніе в жизнь наших идеалов, но можно и должно указать тѣ *направленія*, в которых нами мыслится общественное развитіе. В самом дѣлѣ, развѣ нельзя, учитывая всю условность и недостаточность наших сужденій, утверждать, что, напримѣр, всесторонній рост человѣческой личности невозможен при господствѣ современнаго капитализма? И не обязательна ли для политической группировки нѣкоторая заостренность ея политических и социальных схем? В области политических форм эта опредѣленность не вызывает у нас никакаго сомнѣній... Тут все очерчено с достаточной ясностью. А социальный идеал? Гдѣ рѣзкая и болѣе или менѣе «своя» точка зрѣнія, которая способна дать отчетливое представленіе о том, к каким

именно труппам, выражающим тенденціи в общественном развитіи міра, можно отнести «Крестьянскую Россію»? Вопросы эти чрезвычайно важны»...

Вопросы, дѣйствительно, важны. Смѣю, однако, думать, что отвѣты на них уже содержатся в статьѣ, вызвавшей цитированное письмо. Постараюсь напомнить и развить их.

Автор письма желает получить два отвѣта: *отрицательный* — по вопросу о соотношеніи общественнаго идеала, выставленнаго в статьѣ с «господством современнаго капитализма»; затѣм *положительное* опредѣленіе «социально-экономических форм», в которых мыслится движеніе в сторону всеобщей и всесторонней свободы человѣческой личности.

Отрицательный отвѣт был дан в двух аспектах (разрѣзах). В статьѣ *) констатировалось, что «существующій общественный строй не вѣчен. Он непрерывно и неотвратимо мѣняется. Он, поэтому, также переходящ, как и смѣненные им». Статья не ограничилась лишь этим констатированіем перемѣн, в ней дана и *оцѣнка* общественнаго уклада, которым живет культурное человечество: «в нем много общественно *невыгодных* и *несправедливых* сторон, ибо эксплуатация человѣка человѣком для него типична». Из этой двойной отрицательной оцѣнки были сдѣланы и дѣйственные, программно-обязывающіе *выводы*: существующій общественный строй «требует и заслуживает дѣятельных усилій, необходимых для его творческаго преобразованія». Дальше в статьѣ слѣдовало ограниченіе вывода, одновременно раскрывавшее смысл выраженія о «творческом преобразованіи».

В вопросѣ об отношеніи к «господству современнаго капитализма» было сказано, таким образом, все, что в предѣлах декларативной статьи можно и должно заявить.

Но в каких социально-экономических формах мыслится процесс освобожденія человѣческой личности? Что ставится на мѣсто социализма, хотя бы вопрос о его содержаніи был спорным? В чем тут «своя» точка зрѣнія? Такова серія новых запросов, которую предъявляет автор письма. Если у «Крестьянской Россіи» есть опредѣленность позицій в области политических вопросов, утверждает он, то такая же опредѣленность

*) См. мою статью в «Вѣстникѣ Крестьянской Россіи», № 1, стр. 6.

должна существовать и в сферѣ социально-экономическихъ отношеній.

Степень нашей опредѣленности (или неопредѣленности) в обоихъ сторонахъ общественной жизни — политической и социальной — одинакова. В обоихъ случаяхъ мы говоримъ лишь о *направленіи* развитія, котораго хотим и которому будемъ содѣйствовать. «Конечныя цѣли» не выставляются ни тут, ни там, ибо мы отрицаемъ возможность предвидѣнія или угадыванія ихъ в сколько нибудь отчетливыхъ очертаніяхъ. В болѣе простой, менѣе сложной и опытомъ гораздо лучше испытанной политической жизни желанное *направленіе* развитія намъ представляется в видѣ увеличивающихся правъ и возможностей для растушихъ круговъ населенія участвовать в политическомъ управленіи, которое в идеаль должно превратиться в *полное самоуправленіе*. Нельзя, однако, ни представить сколько нибудь отчетливо этого *полнаго* самоуправленія, ни, тѣмъ болѣе, рекомендовать его в качествѣ програмно-конкретной цѣли.

Такъ и в социально-экономической сторонѣ жизни: мы можемъ говорить о *направленіи* в ея желательномъ развитіи, о руслѣ, в которомъ будутъ протекать и наши сознательныя усилія, но конечный пунктъ своего пути, конкретныя далекія формы, которыми отродятся эти усилія... тутъ нѣтъ ни мудреца, ни пророка, которые могли бы указать или предсказать. Далекое будущее — в густомъ туманѣ, сквозь который и за который никто не можетъ взглянуть. Содержаніе же этого желаннаго направленія в ходѣ событій, характеръ русла, в которомъ мы хотимъ идти в своей общественной жизни и дѣятельности, для міра социально-экономическихъ отношеній — тѣ же самыя, что и для политическаго міра: это усиливающіяся права и возможности для расширяющихся круговъ населенія вліятельно и отвѣтственно, полноправно и равноправно участвовать в народно-хозяйственной жизни. *Самоуправленіе* — этотъ терминъ одинаково вѣрно (или невѣрно) опредѣляетъ направленіе нашихъ разсчитанныхъ усилій в обоихъ областяхъ жизни. *Демократизація* — вотъ общее имя для желанныхъ перемѣнъ и тут, и тамъ.

Мы в рядахъ *политической демократіи*, когда рѣчь идетъ объ устройствѣ государства со всѣми его органами и во всѣхъ сторонахъ его жизни, и мы в рядахъ *соціальной демократіи*, когда имѣемъ в виду воздѣйствіе на социально-хозяйственныя отношенія в обществѣ.

Этотъ отвѣтъ на второй вопросъ автора цитированнаго письма уже содержался в статьѣ, — в томъ мѣстѣ ея, гдѣ говорилось: «разностороннее освобожденіе человѣческой личности... является... прежде всего освобожденіемъ

деніемъ труда от силъ и условій, угнетающихъ его». Дальше были названы эти силы и условія: недостаточное подчиненіе силъ природы, плохая общественная организація труда, острое неравенство в распредѣленіи народнаго дохода.

Нашъ отвѣтъ не называетъ конкретныхъ формъ, в которыя, развиваясь, будетъ отливаться социальная демократія. На этомъ, однако, не настаиваетъ и запрашивающій другъ, такъ какъ, по его мнѣнію, «нельзя утверждать, что именно в такихъ, а не иныхъ формахъ утвердится временное воплощеніе в жизнь нашихъ идеаловъ». Онъ настаиваетъ лишь на указаніи *«направленій»*, в которыхъ намъ мыслится общественное развитіе. Это желаніе мы выполнили.

В какомъ отношеніи социальная демократія стоитъ къ социализму? Это понятія, покрывающія другъ друга, или различныя? И в чемъ разница?

2.

«Побѣда какой либо идеи является в то же время и порчей идеи». Это мѣткое замѣчаніе все чаще вспоминается и в примѣненіи къ социалистической идеѣ. В своемъ развитіи она и в мысли, и в жизни разбилась на множество теченій, рукавовъ, ручейковъ и ея фарватеръ отыскать теперь не легко. Она изъѣдена сомнѣніями, искажена поправками и ядро ея опредѣляется с большимъ трудомъ, причемъ каждое изъ опредѣленій вызываетъ гораздо больше разногласій и споровъ, чѣмъ согласія и признанія. О социализмѣ, какъ и о всякомъ другомъ явленіи, нельзя, однако, говорить, нельзя его сопоставлять с другими концепціями, если не условиться в его содержаніи — по крайнѣйшій мѣрѣ, в главномъ ядрѣ этого содержанія.

Мнѣ представляется, что в томъ кругѣ идей и стремленій, которыя охватываются словомъ «социализмъ», надо различать задачи и методы ихъ рѣшенія. Первые можно свести къ тремъ основнымъ: 1) къ под'ему производительныхъ силъ народнаго хозяйства, 2) къ уравненію людей в правовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, 3) къ под'ему духовной культуры населенія. Эти задачи не являются специфически-социалистическими; надъ ихъ рѣшеніемъ работаютъ и буржуазныя партіи. Отчетлива разница между социалистами и не-социалистами лишь в методѣ рѣшенія этихъ задачъ. С точки зрѣнія первыхъ, задачи могутъ быть рѣшены лишь при передачѣ средствъ производства и обмѣна в руки общества. Это обобщеніе средствъ производства и обмѣна, дающее возможность вести «плановое» или «общественно-регулируемое» народное хозяйство и при его помощи руководить распредѣ-

леніем народнаго труда и дохода, является центральным ядром социалистической концепціи.

Такое хозяйство предполагает, во первых, руководящій хозяйственный центр, во вторых, наличность особых условий, при которых центр способен справиться со своими задачами. В число таких условий входит, между прочим, и размѣръ предпріятій.

В социалистической литературѣ постоянно и правильно указывалось, что лишь *крупныя* и потому сравнительно немногочисленныя предпріятія могут быть об'ектом руководства; регулирование жизни и дѣятельности в миллионах мелких предпріятій, какими являются, на примѣр, крестьянскія хозяйства, непосильно самому геніальному хозяйственному штабу, как, непосильно и для военнаго штаба руководство боевым поведеніем солдат, если они не сведены в коллективные единицы.

Внѣ такого строя, основаннаго на обобществленіи средств производства и обмѣна, как на своей юридической основѣ, на крупных предпріятіях, как на своей физической основѣ, и проявляющагося в общественно-управляемом хозяйствѣ, при помощи котораго регулируется использование народнаго труда и распределение народнаго дохода, мы не представляем социалистическаго уклада жизни. Если отбросить эти черты, как это все чаще дѣлается, из понятія исчезает все его содержаніе. Социализм — это «обобществленіе собственности, труда и хозяйства», по утверженію программы партіи с-р.

Такой строй — цѣлостен. Он не осуществим, если из «плановога» хозяйства выпадет какое либо важное и крупное слагаемое современнаго народнаго хозяйства и будет оставлена в руках частных препринимателей, а тѣм болѣе в руках *милліонов* препринимателей. В этом случаѣ не может быть рѣшена ни хозяйственно-техническая, ни социальнo-экономическая, ни культурная задачи социализма. Социалистическій строй или осуществится, как единая и цѣлостная система народнаго хозяйства, или не осуществится вовсе.

Имѣем ли мы право, наблюдая линіи социальнo-хозяйственнаго развитія культурных народов, утверждать, что онѣ идут в направленіи к социализму в приведенном пониманіи его? Создаются ли условия для появленія послѣдняго—увеличиваются ли в широтѣ и напряженности желанія создать такой строй? Растут ли силы, готовые произвести обобществленіе и завести новый порядок, охватывающій все крупное и важное в народном хозяйствѣ? Создаются ли для него техническія препосылки (в видѣ крупных

предпріятій) во всѣх важнѣйших сторонах и отраслях народно-хозяйственной жизни?

В отвѣтъ на эти вопросы, чѣм дальше, тѣм все чаще и глубже, тѣм упорнѣй и безнадежнѣй у социалистов звучит скептицизм. Переписи показывают, что «средніе классы» городов — мелкіе торговцы, ремесленники, мелкіе промышленники — в своей совокупности не только не сокращаются, но даже растут; а они — «всѣ стоят на почвѣ частной собственности на средства производства и б'единены общей цѣлью сохраненія основ современнаго общества» (эрфуртская программа). Сильно увеличивается число лиц, которые принимают участіе со своими сбереженіями в предпріятіях и прибылях акціонерных обществ и, слѣдовательно, заинтересованы в сохраненіи их. С появленіем синдикатов и трестов уменьшаются анархія и потрясенія в капиталистическом производствѣ и обмѣнѣ. Растут производительныя силы народнаго хозяйства и своими дарами одѣляют все болѣе широкіе круги населенія и т. д. Но главное основаніе для скептическаго раздумья и важнѣйшее препятствіе для «плановой» жизни будущаго создает сельское хозяйство.

Социалистическій «идеал» в примѣненіи к сельскому хозяйству порочен в своем происхожденіи. Он не выведен из линій развитія сельскаго хозяйства, как это было сдѣлано по отношенію к фабрично-заводской промышленности, а механически перенесен в него. Выработанный в городѣ и для города, он был *постулирован* для деревни. Нѣтъ ни одной сколько нибудь серьезной попытки доказать приложимость социалистическаго «идеала» к сельскому хозяйству. Существуют лишь «апарно-социалистическія» декларации и декламации, но они, к сожалѣнію, лишены способности убѣждать. Между тѣм, сельское хозяйство живет и развивается по своим особым, рѣзко отличными от промышленности, законам, ибо с. х. производство — *органично и территориально-разсѣяно*, а производство в промышленности — *механично и территориально-концентрировано*.

В противоположность промышленности, в земледѣліи крупное хозяйство не усиливается, а обезсиливается — оно тает и исчезает, давая почву для укрѣпленія и размноженія мелкаго крестьянскаго хозяйства. Происходящія послѣ войны апарныя реформы *) дали добавочное и могучее усиленіе этого давняго, стихійно шедшаго процесса. По ряду стран крупныя имѣнія частных лиц обречены на полное исчезновеніе; лишь в не-

*) См. о них статью Н. В. Быстрова в этом номерѣ журнала.

большомъ количествѣ сохраняются в них и имѣнія публичныхъ союзовъ. Это развитіе ведетъ не къ «регулируемому» хозяйству, а отъ него. Вырастаютъ не предпосылки, а препятствія.

Соотвѣтственно этому объективному ходу вещей складывается и психологія крестьянства. Поскольку дѣло касается сельскаго хозяйства, социалистическихъ настроеній в земледѣльческомъ населеніи нѣтъ. Наоборот, ширятся настроенія частно-собственническія. Они захватываютъ в настоящее время широкія массы крестьянства в Россіи и массы с. х. батраковъ в остальныхъ странахъ Европы, проводящихъ аграрныя реформы. Интересы социалистическаго движенія не вымываютъ, а проиравываютъ отъ такого хода вещей и Каутскій былъ, конечно, правъ, утверждая, что «не обнаруживаютъ дальновидности и благоразумія тѣ, кто... думаетъ укрѣпить дѣло рабочаго класса, превращая сельскихъ рабочихъ в крестьянъ» («Пролетарская революція», стр. 36). «Недальновидность и неблагодарность» уже сказываются: изъ с.-д. партіи, став самостоятельными хозяевами, уходятъ с. х. батраки в Латвіи, «торпари» в Финляндіи, таеи, теряя малоземельныхъ крестьянъ, партія социалистовъ-народниковъ в Литвѣ и т. д. Нѣтъ, однако, силъ, способныхъ направить бѣгъ событій по иному руслу. Изъ числа этихъ силъ выбыли и социалистическія партіи: то идейно, но непослѣдовательно, то изъ-за боязни потерять голоса и вліяніе, всѣ онѣ также стали на сторону аграрныхъ реформъ, а слѣдовательно, на сторону частно-собственнической, «мелко-буржуазной» психологіи, усиливаемой реформами. Уговоры стараго и послѣдовательнаго социалиста — Каутскаго: «поддерживать пролетарскую классовую борьбу внутри, а не противъ крупнаго производства» в сельскомъ хозяйствѣ, остались безсильными.

Такимъ образомъ, сельское хозяйство, состоящее изъ мелкихъ индивидуальныхъ предпріятій крестьянъ, на все время, на какое хватаетъ глазъ современнаго человѣка, должно считаться исключеннымъ изъ плано-социалистическаго уклада жизни. Отрасль народнаго хозяйства, крупнѣйшая по своимъ размѣрамъ и важнѣйшая по своему значенію в подавляющемъ большинствѣ государствъ, выпадаетъ изъ социалистической системы. С этимъ не можетъ не падать и послѣдняя, ибо цѣлостная и единая, она не осуществима кусочками.

Изъятія изъ планового и обобщественнаго хозяйства, насколько можно предвидѣть, не ограничатся однимъ сельскимъ хозяйствомъ.

«Едва ли кто изъ изслѣдователей хозяйственной жизни станетъ отрицать, что многое в ея ходѣ опредѣленно вело къ постепен-

ному созданію условій, благопріятствующихъ обобщественію средствъ производства» (А. А. Чупров). В обрабатывающей и горнодобывающей промышленности «постепенно упрощался приступъ къ задачѣ и умножались силы, которымъ можно было бы довѣрить ея рѣшеніе». Однако, и в этихъ сторонахъ народно-хозяйственной жизни, человѣчеству было бы еще в теченіе безконечно долгаго времени невыгодно закрыть или сильно затруднить дорогу для частнаго предпринимательства, стимулирующаго обнаруженіе самыхъ цѣнныхъ видовъ человѣческаго труда — инициативнаго и организующаго*). Обобщественіе «собственности, труда и хозяйства» и здѣсь не было бы связано съ полнымъ упраздненіемъ индивидуальныхъ предпріятій и обѣ хозяйственныхъ формъ в теченіи долгаго времени существовали бы рядомъ. Неизбѣжность такого сосуществованія была очевидна и для германской комиссіи по социализаціи, образованной в 1918 г. социалистическимъ правительствомъ, ибо, по ея мнѣнію, «обобщественіе средствъ производства можетъ послѣдовать только путемъ длительнаго органическаго созиданія».

Наряду съ крупною промышленностью обобщественной и частно-предпринимательской необозримо долго, если не всегда, будетъ существовать крестьянское хозяйство, кооперированное в одной части своихъ процессовъ и операций, и индивидуальное в другой... Сохранятся на долгое время и ремесленныя предпріятія, работающія на трудѣ своихъ владѣльцевъ и членовъ его семьи, ибо даже социалисты приходятъ теперь къ мысли, что они борются только съ капиталистической собственностью. Особенно разсудительные прибавляютъ къ ремесленникамъ и мелкихъ торговцевъ и мелкихъ промышленниковъ.

При такихъ условіяхъ идея единообразія хозяйственныхъ формъ, требуемая социалистиче-

*) «Вышедшій изъ рядовъ практическихъ дѣятелей Альфонсъ Гортен, в теченіи 6 лѣтъ бывшій директоромъ в концернѣ Тиссена, а затѣмъ заведующимъ большими заводами Де-Венделя, даетъ, в своей, заслуживающей большаго вниманія работѣ «Социализація и экономическое возстановленіе», руководясь данными практическаго опыта, классификацію предпріятій съ точки зрѣнія пригодности ихъ для социализаціи и показываетъ, что должно быть сдѣлано, чтобы избѣжать зла бюрократизаціи. Рѣшающее значеніе имѣетъ, по его мнѣнію, вопросъ — вступила ли или нѣтъ данная отрасль производства в ту стадію, когда руководство предпріятіемъ оказывается, в сущности, дѣломъ рутинны и коренныя нововведенія представляются неправдоподобными» (Бернштейн. «Спорные вопросы социализма». Стр. 272). За какія, однако, стороны хозяйства можно поручиться, что рутинныя сегодня, они не станутъ полемъ «коренныхъ нововведеній» завтра?

ским «идеалом», если додумывать его до конца и не выбрасывать из него опредѣленности содержания, имѣет безконечно меньше шансов на свое осуществленіе даже в весьма далеком будущем, чѣм защищаемая нами идея многообразія их. «В будущей хозяйственной жизни», говорит блестящій представитель современной экономической науки, «не будет такого рѣшенія: та или эта система. Единоличное хозяйство, ремесленное производство, капитализм, коллективизм будут пребывать рядом: каждый на своем мѣстѣ и сообразно своему существу. И совмѣстную связь всѣх этих составных частей хозяйственного цѣлаго образует кооперация. Она укрѣпит производство, поставит преграду капитализму, будет способствовать огражденію коммунальнаго хозяйства от бюрократическаго засилья» (Вернер Зомбарт).

* * *

Можно резюмировать отвѣтъ на вопросы, поставленные в концѣ первой главки.

Соціализм характеризуется идеей единства хозяйственных форм. Это единство осуществляется общественно-регулируемым хозяйством, покоящимся на обобществленных средствах производства и обмѣна и на крупных хозяйственных предприятиях. Теоретическое вниманіе социалистов постоянно приковывается поэтому к вопросу — происходит ли концентрація «труда, собственности и хозяйства», а их практическія усилія направляются всегда к тому, чтобы при посредствѣ государства, городов, сельских общин увеличивать сумму общественного имущества и размѣры общественнаго хозяйства. Лишь измѣняя своим основным стремленіем и существу своей концепціи, они могут высказываться за раздробленіе крупных земледѣльческих имѣній, за мѣры защиты мелких торговцев против крупных, за мѣры укрѣпленія мелких земледѣльческих хозяйств и за другія реформы, которыя ведут к расширенію или сохраненію круга *хозяйствующих* лиц и потому увеличивают распыленность хозяйственной жизни или препятствуют концентраціи ея.

Соціальный демократизм не зачарован и не связан идеей обобществленія «труда, собственности и хозяйства». Принципу единства хозяйственных форм он противопоставляет идею многообразія их. Как теперь, так и в будущем, одновременно и рядом будут существовать хозяйство государства и иных публичныхъ союзов, хозяйствъ частно-правовыхъ организацій, индивидуальнаго капиталистическія предприятия и предприятия индивидуально-трудоваго. Будущее принадлежит не единообразной и неподвижной системѣ, а

системѣ многообразной, постоянно мѣняющейся, обладающей подвижнымъ равновѣсіем. Пропорція составныхъ частей ея будет мѣняться, можетъ быть нѣкоторыя изъ них будут отмирать, но на ихъ мѣстѣ творящая жизнь будетъ строить новыя. Направление этихъ сложныхъ перемѣн, какъ мы предвидимъ и желаемъ, будетъ итти в сторону демократизаціи собственности, хозяйства и размѣровъ дохода, приходящагося на долю отдѣльныхъ лицъ; причемъ проявленія этой демократизаціи будутъ также многообразны, какъ многообразна сама великая учительница и созидательница — жизнь.

Чарующая прямолинейныхъ социалистовъ идея обобществленія для соціальной демократіи — не единственное и даже не главное средство для леченія современныхъ общественныхъ болезней, хотя мы не можемъ и не желаемъ отрицать в извѣстныхъ условіяхъ и предѣлахъ ея крупную и положительную роли. На ряду съ этимъ приемомъ соціально-хозяйственной политики могутъ и будутъ существовать и другіе многообразные приемы и мѣры. Идею поддержки мелкихъ торговцевъ противъ крупныхъ соціальному демократизму будетъ принять трудно, хотя, какъ ни поразителенъ этотъ фактъ, ея, противорѣча всѣмъ своимъ стремленіямъ, задачамъ и методамъ, и принимаютъ в погонѣ за голосами нѣкоторыя социалистическія партіи Запада, и г. Сухомлин не прочь перенести ея и на русскую почву *).

Понятіе соціальнаго демократизма — шире, гибче, многограннѣе, чѣмъ понятіе социализма. Первое понятіе способно больше объять и принять, чѣмъ второе. Соціализм — конкретная цѣль, соціальный демократизм — направленіе движенія. Первый — сковывающая догма; второй — творческія исканія. . . Первый зараженъ порочнымъ стремленіемъ уложить многообразную, постоянно мѣняющуюся, всегда творческую жизнь в примитивныя рамки мертвыхъ схемъ; второй лишенъ этого стремленія и на разные вопросы жизни считаетъ необходимымъ откликаться разными мѣрами. Для политики послѣдовательнаго социализма характеренъ опредѣленный, но бѣдный монизмъ; для политики соціальнаго демократизма менѣе четкій, но болѣе богатый содержаніемъ плюрализмъ.

На примѣрѣ сельскаго хозяйства мы съ наглядностью видимъ, какое изъ этихъ двухъ понятій болѣе соотвѣтствуетъ линіямъ развитія жизни, какое вѣрнѣе и полнѣе отражаетъ ея запросы.

Оба понятія, близкія в своемъ этимологическомъ значеніи, далеко разошедшіяся в своемъ

*) См. «Дни», № от 25 февраля 1925 г., статья «О мелкой буржуазіи».

историческом содержаніи, нынѣ снова сблизаются на путяхъ отказа послѣдовательныхъ социалистовъ отъ самаго ядра своей концепціи. Этотъ все ширящійся отказъ—характернѣйшее явленіе въ идейной и практической жизни думающихъ и дѣйствующихъ социалистовъ.

Отъ слѣпоты на препятствія передъ социализмомъ въ томъ пониманіи его, которое дано выше, на нашихъ глазахъ излѣчиваются не только умные старики, но, что гораздо показателнѣе — и молодые начетчики. Сомнѣнія

закрадываются не только въ самыя упрямыя, но и въ самыя некритическія головы. Раздумье беретъ даже самодовольныхъ и кичливыхъ, даже мандариновъ. Остановимся на двухъ такихъ проявленіяхъ — очень различныхъ по глубинѣ, въ которую забираетъ мысль, но одинаковыхъ по области раздумья. Передъ нами г. Сухомлин и Вандервельде въ ихъ недавнихъ выступленіяхъ *).

Сергій Маслов.

Общественное значеніе коопераціи въ Россіи.

При упоминаніи о коопераціи вообще и объ общественномъ значеніи особенно, вы очень часто сталкиваетесь съ предубѣжденнымъ отношеніемъ и съ суровой критикой. Отрицающіе и сомнѣвающіеся въ большинствѣ случаевъ исходятъ изъ своихъ наблюденій послѣдняго времени и мѣстнаго значенія. Людей близко и широко знакомыхъ съ коопераціей среди насъ вообще очень немного. А отсюда цѣлый рядъ неправильныхъ оцѣнокъ.

Прежде всего забываютъ, что нельзя пользоваться примѣрами изъ жизни русской коопераціи, начиная съ конца 1919 г., когда разрушеніе свободной коопераціи пошло особенно быстро. Уничтоженіе частной торговли и монополія совѣтской коопераціи на распредѣленіе, вытравливаніе изъ нея всего живого (припомните первоочередное и безпощадное закрытіе культурнопросвѣтительныхъ отдѣловъ и мѣропріятій коопераціи) и созданіе чудовищнаго бюрократизма,—все это, конечно, не могло не поселить глубокаго предубѣжденія въ обывателѣ. Но вѣдь это же не кооперація, а «коммуна», безудержное издѣвательство надъ всѣмъ тѣмъ, что дорого въ коопераціи, и фокусы фигляровъ отъ коопераціи. Періодъ НЭП'а и позднѣйшіи не измѣнили кореннымъ образомъ положенія. Абсурды въ кооперативномъ строительствѣ исчезаютъ, но не въ нихъ дѣло; а жизнь коопераціи, какъ и всякое проявленіе духовной жизни, находится подъ гнетомъ и ослабленнымъ руководствомъ коммунистической партіи. О какомъ же общественномъ значеніи можетъ быть тутъ рѣчь.

Серьезнѣе доводы изъ періода всемірной войны и начала большевицкаго владычества. Въ концѣ періода, какъ и во всякую переходную пору, обнаруживались факты, которые строго бы карались общественнымъ мнѣніемъ даже въ періодъ войны, но все это были единичныя явленія, хотя и обнаруживавшія загниваніе организма. Дѣло въ томъ, что кооперація съ начала этого періода подверглась стихійному наплыву неподготовленныхъ и часто

враждебныхъ коопераціи элементовъ. За недостаткомъ силъ, переработка всей этой массы шла слабо, а обстановка войны ослабила моральные устои. Вотъ почему въ концѣ періода кооперація и дала приснопамятнаго Хинчука и другихъ безпринципныхъ «посредниковъ» и смѣловѣховцевъ.

Но развѣ то же не происходило по всей линіи русской общественности? Это не оправданіе, а лишь напоминаніе о той обстановкѣ, въ которой протекали послѣдніе годы свободной коопераціи, и можетъ быть, суровые критики и судьи найдутъ въ немъ смягчающія вину обстоятельства.

Правильнѣе судить о коопераціи по тому, что и какъ она дѣлала въ годы предъ войной и въ началѣ войны. И вотъ довольно полное знакомство съ этой дѣятельностью коопераціи въ значительной части Европейской Россіи и Западной Сибири заставляетъ насъ сказать, что общественная работа коопераціи была очень велика и общаа развернуться еще шире вполнѣдствіи. А жила кооперація въ массѣ полной жизнью, начиная лишь съ 1906/8 г.г. . . .

Прежде всего кооперація дала выходъ исканіямъ наиболѣе энергичныхъ и вдумчивыхъ элементовъ населенія, какъ коренного трудового, такъ и пришлаго, но близко съ кореннымъ населеніемъ сроднившагося. Эта интеллигенція, сильная «милостью Божіей», если не образваніемъ, искавшая вразбродъ путей и кафедръ, обрѣтала ихъ въ полной мѣрѣ своихъ силъ въ разныхъ видахъ коопераціи и въ разныхъ формахъ кооперативнаго об'единенія. Дорого обходившіяся попытки выбраться изъ массы инертнаго убожества и невѣжества, наконецъ, окупались и люди могли приносить пользу и нести работу не только на узкомъ мѣстномъ прищѣ. Успѣхи однихъ окрыляли другихъ и пробивали имъ дорогу.

* Недостатокъ мѣста заставляетъ Редакцію «Вѣстника Крестьянской Россіи» перенести конецъ статьи С. С. Маслова, въ слѣдующую книжку журнала. Редакція.

Конечно, не вся масса руководителей кооперативов состояла из этой трудовой интеллигенции; попадали люди и случайные. Но, во-первых, в любом гнѣздѣ кооперативов находился один-другой такой одухотворенный работник, который своей вѣрой и энергіей заражал и остальных; шла незамѣтная культурная кооперативная работа и кооперативные принципы проникали постепенно в сознание и рядовых кооператоров. Во-вторых, постепенно происходил отбор наиболее подходящих к управленію кооперативом. И надо сказать, что в послѣдніе годы бывать в большинствѣ собраній из представителей кооперативов доставляло высокое нравственное удовлетвореніе.

Все движеніе окрылялось не стремленіем к личным выгодам, а ко благу, успѣху «своего» кооператива или союза.

Иной раз кооперативы годами несли убытки (стало быть и отдѣльные кооператоры несли убытки), а все таки выпестовывали «свой» союз.

Жалованье должностным лицам было грошевое*), что отчасти содѣйствовало подбору болѣе идеально настроенных руководителей.

Рост мѣстных сил происходил не только на почвѣ обслуживания хозяйственных интересов населенія. Когда мѣстные кооперативы становились матеріально обеспеченнѣе, они охотно в складчину субсидировали какое-нибудь общественное или культурное начинаніе, привлекавшее и выявлявшее новыя мѣстныя силы. Так возникли многіе культурно-просвѣтительные кружки, народные дома и т. д.

Описанный рост мѣстных сил не мог бы итти легко, если бы не получал поддержки от высших форм кооперативнаго об'единенія (союзы мѣстные, областныя, центральныя) или от других общественных организацій (гл. обр., земства). Печатное и особенно живое слово оказывало огромное вліяніе на населеніе. Участіе инструктора в засѣданіях правленія или совѣта кооператива, или на общих собраніях были благодарным занятіем, ибо таким путем устанавливались прочныя добрыя отношенія, одинако цѣнныя для обѣих сторон. С развитіем союзнаго строительства число инструкторов на мѣстах очень возросло; увеличился и ряд вопросов, ими освѣщаемых (кооперация, сельское хозяйство и кустарный промысел, культурно-просвѣтительная работа, юридическіе вопросы и т. п.). Спрос на интеллигентных работников все

время возрастал, так как все болѣе распространялся тип мелкорайоннаго мѣстнаго союза, имѣвшаго нѣсколько инструкторов. Открывалось широкое новое (первое было земство) русло для притока в расселеніе культурных сил. Это ставило лицом к лицу населеніе и широкіе круги общественной мысли и тѣм способствовало непринужденному взаимному их ознакомленію в дѣловой обстановкѣ. Сектанскій дух при этом соприкосновеніи народа и интеллигенціи у послѣдней совершенно исчезал. Давній и тяжелый разрыв интеллигенціи с народом в процессѣ и в мѣру этого общенія переставал существовать. Громадное и плодотворное значеніе этого процесса для обѣих сторон очевидно.

Из сказаннаго уже видно, что одной из сторон кооперативной дѣятельности было внесеніе свѣта в населеніе. И надо подчеркнуть, эта сторона всегда привлекала искреннее и большое вниманіе кооперативных низов. Это вниманіе было не навѣяно, а вытекало из яснаго пониманія и знанія народных нужд. В первую очередь стояли вполнѣ понятно интересы хозяйства. Распространеніе знаній в области сельскаго хозяйства и кустарнаго промысла были всегда заботой и центральных и мѣстных кооперативных организацій. Но это было далеко не все. Мѣстные кооперативныя работники определенно требовали широкаго распространенія и общих знаній, и разумных развлеченій. Требования эти иногда далеко опережали требованія народных масс, но тѣм не менѣе, раз удовлетворенные, легко усваивались массами и становились общими. Такое отношеніе населенія подтверждает вся исторія развитія книжных складов, народных домов, культурно-просвѣтительных кружков, музыкально-драматических дѣтских площадок, читален, затѣм немногочисленных на первых порах попыток к созданію высшей крестьянской школы, музеев и т. д.

Всѣ эти начинанія совмѣстно с докладами на общественныя темы вызывали широкое низовое общественное теченіе в пользу необходимости созданія своей прессы. В массѣ это явленіе послѣдних годов. Чаше в формѣ журнала, рѣдко газеты, стала появляться кооперативная пресса. Издаваемая преимущественно одним мѣстным союзом или рѣже нѣсколькими союзами в складчину и использующая мѣстныя и центральныя силы, эти литературныя начинанія пользовались неизмѣнными поддержкой и спросом кооперативных низов.

Наряду со стремленіем к об'единенію на почвѣ общественнаго обслуживания хозяйственных и культурных запросов вырастает и стремленіе объективнаго познанія своей

*) Лишь в період паденія цѣнности рубля размѣры жалованья повышаются, но и в это время вопросы о вознагражденіи в большинствѣ случаев были второстепенными.

среды и хозяйственных возможностей. Таковы задачи зарождающихся кое-гдѣ при союзах статистических бюро, отдѣленій или просто единичных усилий. Безспорно, это стремление шло из кооперативных верхов, но ненадуманность начинаній была очевидна.

Понятно, какъ вся эта разносторонняя кипучая дѣятельность поднимала жизнь и населенія, и кооперативных работников. Последніе испытывали глубокую радость от требовавшей всѣх их сил работы совместно с верхами населенія. Надо сознаться, что последніе не всегда поспѣвали в такт с развавшимся в этих верхах неудержимо стихійным порывом к лучшему и им надо было самим расти и развиваться, чтобы не остаться в задних рядах. — Что касается населенія, то и оно было захвачено этим мощным движеніем. Вышедшіе из его рядов, «свои» же, вводившіе все новыя и безспорныя всѣм доступныя улучшенія в хозяйственной дѣятельности, звали его к приобщенію к культурѣ, бывшей ему дотолѣ недоступной, звали и облегчали всемирно это приобщеніе. Духовная жизнь населенія пробуждалась и обновлялась...

Из сказаннаго ясно, что всѣ росказни большевиков о необычайном теперешнем интересѣ населенія к обновленію хозяйственнаго и бытового уклада являются такой-же «Америкой», как и окрещенные ими именем «новой экономической политики» переплѣвы старых - престарых экономических правил и навыков. Интерес массы, а не только кооперативных верхов, ко всяким улучшеніям появился еще до войны, и, что это был не поверхностный интерес, лучше всего свидѣлствуется его живучестью за період конца войны и страшной большевицкой разрухи. Народ еще до войны почувал порыв и силы к строительству, видя живые образы в достиженіях кооперации. Этой вѣры и силы не убили, как мы видим, всѣ эксперименты большевиков, обломавших зубы о крестьянскую пассивность и к ужасу своему видящих нынѣ, что населеніе обладает, кромѣ того, и «активною».

Мы пытались очертить разныя стороны общественнаго значенія кооперации. Выявленіе и развитіе мѣстных общественных сил, широкій призыв интеллигенціи, предоставленіе ей возможностей: для широкой и массам понятной общественной работы, большая и разносторонняя культурно-просвѣтительная работа, пробужденіе общественных интересов и глубокой вѣры в свои силы в населеніи вообще — вот то, что никогда не отыщется от кооперации.

— Это было... Но будет ли? Не только на примѣрѣ покровительствуемой потребительской совѣтской кооперации, но и на примѣрѣ болѣе нормально развивающейся нынѣшней сельскохозяйственной кооперации, мы видим, что, и при невыразимо тяжких и убивающих всякую самодѣятельность теперешних условіях, мѣстная инициатива как-то ищет путей к лучшему. Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что при нормальных условіях свободная кооперация быстро разовьется. Ея позиція не будет отвѣчать тѣм фантазіям о всеобъемлющем захватѣ кооперативной работы, какія строились нѣкоторыми кооператорами в концѣ войны и при большевиках, но эти позиціи будут достаточно опредѣленны и важны в хозяйственной жизни страны.

Не сомнѣваемся мы также и в том, что в мѣру своих матеріальных возможностей кооперация не применит развитыя всѣ тѣ стороны своей работы, которыя носили общественный характер. Поручкой нам в том прошлое кооперации в період ея расцвѣта. Несомнѣнно, что матеріальныя возможности будут слабѣе, чѣм до войны, и потому широта и глубина работы кооперации в интересующем нас отношеніи не будет итти в сравненіе с довоенной порой, — по крайней мѣрѣ, на первое время. Но скажите, какія стороны общественной жизни общаю большую широту захвата? Гдѣ в нищей Россіи найдется счастливый уголок, гдѣ-б не пришлось заниматься штопаньем дыр и все урѣзывающей экономіей?

Да, обѣм работы будет слабѣе, но она возобновится во всѣх направленіях... И потребуются тысячи людей, чтобы ее налаживать, согласовать, развивать...

И опять мы ни минуты не сомнѣваемся в том, что эти тысячи не за страх, а за совесть на кооперативную работу станут, не смотря ни на скудость платы, ни на тяжесть бытовых условій. Развѣ впервой русскому интеллигенту нести всѣ свои силы на нужное дѣло, не взирая на обстановку труда? И скажите, гдѣ опять таки эти условія будут сноснѣе? Да скажите кстати, гдѣ меньше будет чувствоваться господство «чумазага», как не в кооперации и гдѣ, как не в ней, источник духовнаго удовлетворенія и осязательность результатов работы будут ближе? Есть ли, поэтому, основаніе полагать, что в будущем общественное значеніе кооперации будет слабѣе прошлаго, а ея работа в этом направленіи менѣе необходимой, чѣм была?

Н. Малолѣтнев.

Берлин.

Еще одна авантюра.

В Парижъ начала выходить новая еженедельная газета «Родная земля». Главный редактор ея — Гр. Алексинскій, главные писатели — он же, Алексинскій, да донской атаман А. П. Богаевскій.

Из передовых статей можно составить представление о направленіи газеты: представление не полное, ибо обо многом издатели ея не говорят, но все — таки достаточное, чтобы отнести газету к опредѣленному лагерю.

О своей прапрограммѣ авторы выражаются весьма скромно; «она не выдуманна, видите ли, книжными теоретиками, не сочинена ни в пыли кабинетов, ни в шумѣ эмигрантских митингов. Она дана самой жизнью и потому проста и ясна». А дальше идет еще скромнѣе: «ее выработали многомилліонныя народныя массы Россіи в лицѣ Всероссийскаго Крестьянскаго Союза и многочисленных (почему не многомилліонных тоже?) антибольшевицких прупп рабочаго класса нашей «страны». Эта «простая и ясная» программа требует прежде всего, чтобы «земля — крестьянам», причем «на началах полной и независимой собственности». Но не забыты и помѣщики: «помѣщикам крестьяне согласны оставить их усадьбы и, поскольку это позволят размѣры мѣстнаго земельного района, участки земли при усадьбах, не превышающіе извѣстной нормы». Что это за норма и почему вообще крестьянам нужны помѣщики — ясная программа молчит. В области политической «многомилліонное» крестьянство и «многочисленные» рабочіе постановили не «предрѣшать вопрос о том, каково будет государственное устройство нашей обширной родины». А будет поступлено так: «всероссійскій земскій собор, свободно избранный осѣдлым населеніем, будет собран послѣ окончательной ликвидаціи большевизма и только ему будет принадлежать право сказать, быть ли Россіи конституціонной монархіей или республикой». А теперь пока всякіе разговоры и споры на эту тему «дѣтская, часто вредная, забава».

Но тут же оказывается, что эта дѣтская забава столь заманчива, что противостоять ей нѣтъ силы и атаман Богаевскій в своих «Думах о прядущем» (№ 2) спѣшит пріоткрыть слегка запретную завѣсу и начертать слѣдующую картину ближайшаго политическаго будущаго. Во главѣ движенія, которое свергнет большевиков, будет стоять нѣкій «вождь». Справившись с большевиками, «успокоив взбаламученное море», «достиг-

нув общей безопасности» и т. д., он созывает земскій собор. Править «вождь» будет единолично и не будет спѣшить дѣлать с кѣм либо власть, а тѣм болѣе передать такую. «Трудно, конечно, ожидать, чтобы новый вождь, совершившій переворот, спасающій Россію, поспѣшил бы призвать кого то со стороны, чтобы поставить его над собой... Полубог, пред которым преклонится вся Россія, диктатор с безграничною властью едва ли станет он торопиться уступать другому свое мѣсто. Все это так человѣчески понятно».

Дѣло, как видите, раз'ясняется. В особенности трогательно это «человѣчески понятно». «Полубог» управится с большевицкой Россіей, наведет монархическій порядок в преклоненной Россіи и будет по человѣчески понятным причинам не спѣшить с земским собором: и совершенно естественным окажется, если он просто забудет об этом соборѣ.

Мы, заграницей, знаем о каком полубогѣ и диктаторѣ идет рѣчь и потому можем притти на помощь Богаевскому в его программном словоблудствѣ. Рѣчь вѣдь идет о возглавленіи Россіи полубогом Николаем Николаевичем, с которым конкурирует уже просто бог или во всяком случаѣ помазанник божій Кирилл I.

Зная это, также как всѣ давно знакомыя слова о не предрѣшеніи политических форм будущаго и пр., мы можем безошибочно сказать, что в лицѣ «Родной земли» имѣем дѣло с національно-монархической пропагандой, исходящей из соотвѣтственных монархических сфер, в окруженіи Николая Николаевича находящихся.

Дѣло в таком пониманіи представляется весьма простым, в эмигрантских условіях обычным и мы могли бы на этом кончить с «Родной землей» и ея лозунгами.

Но пропаганда заграничных монархистов идет на этот раз дальше опредѣленных границ. Дѣло, оказывается, не только в том, чтобы пропагандировать из заграницы свои взгляды и рекомендовать живущим в Россіи имя заготовленнаго для них спасителя — полубога, а в том, чтобы возвѣститъ, что этот полубог уже призван Россіей, выдвинут ею самой, и что газета «Родная Земля» вовсе не дѣло рук одного Алексинскаго или Богаевскаго с парижскими товарищами, а орган всего крестьянства, сговорившагося с «многочисленными» рабочими кругами. Произошло это таким образом, по рассказам газе-

ты (см. №№ 1—4): «13 марта 1923 г. в одном из городишек юга России состоялся съезд Всероссийского Крестьянского Союза. Съезд продолжался 18 часов кряду. Прибыли члены тайного крестьянского правительства и Зеленого Круга и делегаты от 19 губерний, в том числе представители православного и инославного духовенства, а всего 116 человек». Что дѣлал этот съезд—не рассказано; не приведена и программа «Всероссийского Крестьянского Союза». Отмѣчено лишь слѣдующее единогласно принятое постановление съезда: «объявить врагами русского народа братьев Савиновых, ведущих провокационную работу от имени русского народа и еще 314 (слѣдуют имена) бывших русских праждан, каковых лиц вытребовать в Россію по установлению крестьянской власти для слѣдствія и суда над ними». Вот и все. Этот съезд избрал «Главный Совѣт Всероссийского Крестьянского Союза» и во главѣ совѣта поставил М. Е. Антонова. Сей Антонов поставил «главноуполномоченным по заграничѣ» никого другого, как Гр. Алексинскаго, о чем и печатается на видном мѣстѣ в номерах «Родной земли». Всѣ сообщенія из Россіи называются не корреспонденциями, а «донесеніями». «Донесеніе» о состояніи урожая, валюты, пароходства и пр. Печатаются в газетѣ распоряженія «Главнаго Совѣта», циркулярныя и иныя и еще «сводки Зеленого Круга Всероссийского Крестьянского Союза». Свѣдѣнія помѣщаются, только «непосредственно» идущіе из самой Россіи от агентов, причем эти агенты не простые, а специалисты и при этом прибавлено «специалисты, розылаемые во всѣ концы Россіи». В одном из циркуляров Главнаго Совѣта рассказана невѣроятная исторія (не люблю — не слушай...) о том, как совѣтская власть рѣшила капитулировать перед Всероссийским Крестьянским Союзом и послала своих делегатов для переговоров с Главным Совѣтом. Переговоры состоялись близъ деревни Ново-Украинка, в лѣсу. В заключеніе переговоров Главный Совѣт постановил: «делегатам совѣтов пражданину Левчуку, Александру Звонареву и Семену Безручкѣ *вырѣзать языки*; членов союза металлистов А. Любчика и В. Коленовскаго за участіе в переговорах подвергнуть наказанію по 50 шомполов каждому; члена Всероссийскаго Крестьянскаго Союза Ив. Денисова подвергнуть 30 ударам шомполов и исключить из союза навсегда. Постановление это приведено в исполненіе сего 26 октября в 6 часов утра».

По этому поводу выпущена была прокламація, в которой отмѣчено: «мы достойно отбѣтили нашим кровопійцам, отрѣзали их делегатам подлые языки. Пусть знают, как

русскій крестьянин признает совѣтскую власть». На страницах газеты сочувственно отмѣчаются эти акты борьбы и тут же рядом печатаются рассказы о большевических расправах под заглавіем «Кровь вопіющая».

Не сговорились ли Антонов с Алексинским или послѣдній с Богаевским, но произошла уже большая перепутаница в рассказываемой «Родной Землей» фантастармоніи. Богаевскій, как мы видѣли, объявил, что будет свергать большевиков и править полубог, а в № 2 газета, в особенности в статьях нѣкоего члена Всероссийскаго Крестьянскаго Союза Н. Кокорина, заявляется, что «послѣ сверженія большевиков и до созыва всероссийскаго земскаго собора власть будет принадлежать уже избранному народом *крестьянскому правительству*». Таким образом, Николаю Николаевичу предстоит непріятная встрѣча. Надо думать, однако, что какнибудь сойдутся... тѣм болѣе, что это «правительство» уже настроено соотвѣтственно. Вот как оно поступит, наприимѣр, с политическими эмигрантами. Думаете, что устремятся в Россію всѣ. О, нѣтъ. Рѣшено, что «сначала поѣдут тѣ, кто будет вытребован крестьянским правительством персонально и по принадлежности к извѣстным категоріям, т. е. лица, государственный и административный опыт которых окажется необходим, и специалисты: военные, инженеры, педагоги, врачи, рабочіе, техники и т. д. Политики поѣдут или вѣрнѣе вступят на территорію Россіи послѣдними». Видите, как грозно. Не забудьте еще о загадочном списокѣ в 314 человекъ эмигрантов, «врагов народа», которые подлежат уничтоженію, вѣроятно, посредствомъ вырѣзыванія языков...

Но все идетъ предопредѣленнымъ путем... и в № 4 «Родной земли» уже циркулярно объявляется об обнаруженной широкой провокаціи в нѣдрах «Всероссийскаго Крестьянскаго Союза»; болѣзнь обнаружена в разныхъ мѣстах, «согласно докладов, поступивших из Крыма, Новороссіи, Подольщины, Вольни». Появились «фальшивые удостовѣренія, мандаты, приказы», объявился нѣкій атаман Менига и т. д., и т. д.

Думается, что на этомъ можно кончить с новоявленной газетой парижскихъ монархистов. Нужно ли говорить, что всѣ эти их «главные совѣты», «главноуполномоченные» с приказами, «крестьянское правительство», как и весь этот «всероссийскій» крестьянскій союз — сплошная выдумка, разсчитанная на наивныхъ людей заграницей и в Россіи. Вѣроятно, другой тоже вѣдь «всероссийскій» крестьянскій союз, доселѣ шумѣвшій заграницей в лицѣ праждан Котом-

кина; Магеровскаго и др. подтвердит вскорѣ наше мнѣніе.

Не слѣдует преуменьшать вреда подобных «всероссійских» авантюръ. Они рассчитаны вѣдь на рост крестьянской активности в Россіи, обнаружившейся за послѣднее время.

Онѣ могут замутить движеніе, разстроить его ряды. Демократической эмиграціи надлежит внимательно слѣдить за всѣми явленіями в этой области и своевременно принимать свои мѣры.

А. Шилков.

ВѢСТИ ИЗ РОССИИ.

Положеніе интеллигенціи.

Свыше семи послѣдних лѣтъ, начиная с декабря 1917 года, я безвыѣздно провел в Россіи, живя сначала на югѣ, а послѣдній год — в Петербургѣ и Москвѣ. Многого пришлось пережить за это время самому, еще больше наблюдать, читать и слышать от лиц мнѣ близких и заслуживающих полного довѣрія. Хочется подѣлиться в этой статьѣ своими впечатлѣніями, связанными с положеніем интеллигенціи Россіи, оставшейся в Россіи.

Не буду задерживаться на невѣроятно тяжелых матеріальных условіях, среди которых приходится жить в Россіи интеллигентному человѣку. Это, повидимому, достаточно извѣстно за границей. Скажу только, что сейчас в общем жизнь вдвое дороже довоенной, а средней зароботок интеллигентнаго человѣка теперь, по крайней мѣрѣ, в 3—4 раза меньше соответственнаго заработка в довоенное время. Да и тѣ, кто имют такой ничтожный заработок, являются счастливицамъ; безработица сейчас среди интеллигенціи громадная и положеніе безработныхъ прямо трагическое. Остановилось здѣсь на той моральной обстановкѣ, в которой теперь в Россіи приходится жить и работать ея интеллигенціи.

Почти всѣ должны служить в различных совѣтских административныхъ учрежденіяхъ или в хозяйственныхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ казны, так как другого способа найти зароботокъ почти нѣтъ. Обстановка службы — чрезвычайно тяжелая.

В каждом учрежденіи и предпріятіи, как бы мало оно ни было, имѣется коммунистическая ячейка (т. н. «комячейка»), образуемая служащими-коммунистами, в каком бы числѣ они ни были, и находящаяся в строгом партійномъ подчиненіи мѣстному районному комитету партіи. Эта ячейка совмѣстно с комитетомъ служащихъ, в которомъ коммунисты также почти всегда имѣютъ руководящее вліяніе, играютъ главную роль в учрежденіи: от нихъ фактически зависитъ пріемъ на службу, они же рѣшаютъ, кто долженъ быть уволенъ при сокращеніи штатовъ, они производятъ «чистку» служащихъ и т. д. По свсему назначенію ячейка играетъ в учрежденіи роль «ока государева» и является в сущности неофициальнымъ отдѣломъ Г. П. У. в учрежденіи.

Почти ежемѣсячно во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ происходитъ сокращеніе штатовъ, или «чистка» служащихъ, под которой разумѣется удаленіе из учрежденія «контр-революціонныхъ и чуждыхъ пролетаріату элементовъ» и которая на дѣлѣ по большей части сводится къ походу противъ интеллигенціи вообще. Никто не можетъ считать себя застрахованнымъ от увольненія при такомъ сокращеніи или «чисткѣ», как бы лояльно к совѣтской

власти он ни относился и как бы «чист» перед ней он ни был. А потеря службы теперь почти равносильна обреченію в буквальномъ смыслѣ на голодную смерть самаго служащаго и его семьи, так как новаго мѣста получить почти невозможно. Понятны, поэтому, тѣ усилія, с которыми каждый цѣпляется за свое мѣсто. Элементы менѣе стойкіе в моральномъ отношеніи при этомъ не брезгаютъ ничѣмъ — вплоть до грязныхъ доносовъ на своихъ сослуживцевъ.

Доносы сейчас в Россіи объявляются свыше дѣломъ похвальнымъ, чуть ли не долгомъ каждаго «честнаго совѣтскаго гражданина». Как-то в Москвѣ мнѣ пришлось по одному дѣлу зайти в Комиссаріатъ Народнаго Просвѣщенія; тамъ я прочиталъ вывѣшанное в витринѣ официальное обращеніе ко всѣмъ «честнымъ служащимъ» с призывомъ доносить о всѣхъ контр-революціонныхъ и антисовѣтскихъ настроеніяхъ среди своихъ сослуживцевъ, причемъ доносчикамъ гарантировалась полная тайна. И такіе призывы не рѣдкость.

Современный русскій интеллигент знаетъ, что на службѣ за нимъ все время слѣдятъ его же сослуживцы, что за каждое неосторожное слово он легко можетъ поплатиться по меньшей мѣрѣ своимъ служебнымъ положеніемъ.

Одной этой осторожности, одной лояльности в отношеніяхъ служащаго к совѣтской власти, однако, мало. Совѣтская власть теперь постоянно требуетъ отъ всѣхъ своихъ граждан, а отъ служащихъ в особенности, активнаго выраженія ихъ сочувствія и преданности ей. В дни совѣтскихъ праздниковъ и другіе «высокопостепенные» моменты всѣ совѣтскіе служащіе подъ предводительствомъ своихъ комитетовъ и комячеекъ обязаны принимать участіе в манифестаціяхъ с красными флагами, знаменами и др. эмблемами, с пѣніемъ «Интернаціонала», причемъ обыкновенно всѣ такіе манифестаціи заканчиваются путешествіемъ к помѣшенію мѣстнаго комитета коммунистической партіи, гдѣ всѣ манифестанты должны демонстрировать свое «единеніе» с партіей и свою преданность совѣтской власти (в Москвѣ это происходитъ на Красной Площади у «великой могилы», как на совѣтскомъ языкѣ называется могила Ленина). Несмотря на погоду, всѣ служащіе, и стар и млад, и здоровые и больные, покорно слѣшатъ на такіа манифестаціи, в большинствѣ случаевъ кляня в душѣ и совѣтскую власть, и всѣ ея праздники; рѣдко кто рѣшается уклониться отъ этого; всѣ боятся, что отсутствіе будетъ замѣчено комячейкой и это сейчасъ же отразится на служебномъ положеніи при первомъ сокращеніи или «чисткѣ».

Очень часто совѣтская власть устраиваетъ грандіозныя уличныя демонстраціи по самымъ различнымъ поводамъ — то по поводу ультиматума Керзона, то по случаю разстрѣла комсомольца Энгеля в Польшѣ или казни коммуниста Тромпа в Ревелѣ и т. п.

Организация в этом отношении — верх совершенства. Как бы по мановению волшебной палочки из всех совѣтских учреждений, предприятий, фабрик, заводов выходят на улицу, по предложению своих комитетов и ячеек, толпы служащих и рабочих с флагами и знаменами с самыми рѣзкими, самыми вызывающими надписями. На языкѣ совѣтских газет это называется «стихийным движением негодующих народных масс». На непосвященного сторонняго наблюдателя, пожалуй, могут произвести впечатлѣніе эти демонстраціи, но дѣйствительное их происхождение такое же, как и парадов в совѣтскіе праздники; на самом дѣлѣ подавляющее большинство участников их, если не всё почти, участвуют в этих демонстраціях «протеста» только из-за страха навлечь на себя своим отсутствіем гнѣвъ комячейки и вызвать подозрѣніе в «контр-революціонном настроеніи».

Кромѣ таких манифестацій, служащие постоянно созываются на общія собранія, гдѣ обыкновенно без всяких преній и возраженій, покорно, «единогласно» принимают предложенные комячейкой резолюціи по тому или иному вопросу, интересующему в данный момент совѣтскую власть, или же производят выборы своего комитета или представителей в совѣты, также «единогласно» голосуя за список, предложенный той же комячейкой.

Для того, чтобы показать, как всегда протекают такіа собранія, почему всегда получается такое «единогласіе» и какую истинную цѣну оно имѣет, я дам двѣ иллюстраціи. Одна представляет из себя свидѣтельство, авторитетность котораго в этом вопросѣ внѣ всякаго сомнѣнія. Это — часть рѣчи Троцкаго, произнесенной им 26 мая 1924 г. на XIII сѣздѣ коммунистической партіи (итируя ее по Московской «Правдѣ», № 118, от 27 мая 1924 г.).

«Я здѣсь, товарищи, — говорит Троцкий, попытаюсь дать свидѣтельство, которое могло бы быть наименѣе заподозрѣно. Я приведу цитату из рѣчи т. Бухарина в началѣ дискуссіи на одном из собраній Краснопресненскаго района. Я пользуюсь стенограммой этой рѣчи... Вот подлинныя слова т. Бухарина.

«Возьмите жизнь какой-нибудь партійной ячейки, прежде всего рабочій аппарат, потому что и ячейки есть аппарат. У нас, — я сужу по Московской организации в первую очередь, — обычно секретари ячеек назначаются райкомами, причем райкомы не стараются своих кандидатов проводить через эти ячейки; они просто выставляют человѣка и обычно голосованіе происходит по опредѣленному типу. Приходят и спрашивают «кто против», а так как болѣе или менѣе всё боятся высказываться против, то соответственный индивид назначается секретарем бюро ячейки. Если бы мы произвели анкету и спросили, сколько раз происходило голосованіе с вопросом председателя «кто за» и «кто против», то мы обнаружили бы без труда, что у нас в большинствѣ случаев выборы в партійныя организации превращаются в выборы в кавычках, потому что голосованіе происходит не послѣ предварительнаго обсужденія, но по формулѣ «кто против», а так как говорить против «начальства» не хорошо, то этим вопрос кончается. Вот выборы секретаря нашей низовой ячейки.

Если мы поставим вопрос о наших партійных собраніях, то как это происходит? Я сам выступал на цѣлом рядѣ Московских собраній и знаю, как обычно проходит так называемое, обсужденіе в наших партійных организациях. Выборы президіума собранія. Выступает какой-нибудь товарищ из районнаго комитета, представляет список, спрашивает: «кто против», — никто не против, и это дѣло считается конченным. Выбирается президіум и товарищ оглашает, что президіум избран единогласно. Послѣ этого начинается порядок дня. С порядком дня та же процедура. За послѣдніе два-три года я вспоминаю только единичные, страшно рѣдкіе случаи, чтобы на партійных собраніях вставлялись новые пункты в порядок дня. Послѣ этого прочитывается заготовленная заранее резолюція, которая проходит по шаблону. Председатель спрашивает: «кто против» — никто не против. Резолюція единогласно принимается. Вот обычный тип отношеній в наших партійных организациях. Нужно понимать, что против этого, совершенно естественно, наиболѣе активная часть выражает опредѣленное недовольство, она опредѣленно недовольна таким порядком вещей.

У нас цѣлый ряд нижних слоев организаций хватается за барьер: «никакой дискуссіи», «кто против» и т. д., и цѣлая система таких пріемов сводит на нѣтъ внутрипартійную жизнь. Само собой разумѣется, что отсюда идет громадная волна недовольства. Я привел нѣсколько примѣров из жизни самых низших наших ячеек. То же самое можно замѣтить в нѣсколько измененной формѣ и по слѣдующим рядам нашей партійной іерархіи.

Если бы эту злую характеристику совѣтских собраній дал не Бухарин, а какой-нибудь простой смертный, то, несомнѣнно, все это было бы объявлено злой контр-революціонной клеветой, и оратору пришлось бы познакомиться с Г. П. У. и мѣстами не столь отдаленными. А Бухарин здѣсь ничего не преувеличивал; перед нами фотографическій снимок самой подлинной дѣйствительности, так хорошо извѣстной по личному опыту каждому совѣтскому гражданину. Буквально то же самое происходит и на всяких других собраніях и засѣданіях, какія только устраиваются сейчас в Россіи. Всякій раз, когда я читаю горделивое указаніе совѣтских газет на единогласныя рѣшенія и резолюціи партійных сѣздов и организаций, я невольно сейчас вспоминаю эти слова Бухарина, и всякое впечатлѣніе от этого «единогласія» падает.

Другая иллюстрація — рассказ моего хорошаго знакомаго, студента одного из петербургских высших учебных заведеній, о собраніи, состоявшемся в этом учебном заведеніи по поводу предстоявшей «чистки» студентов в маѣ 1924 года. По официальным сообщеніям, в результатѣ этой «чистки» было удалено около 20% всего числа студентов. Инструкціи указывали, что исключаться должны только наиболѣе малоуспѣвающіе студенты. Фактически в большинствѣ случаев удалялись лица «не пролетарскаго происхожденія» и тѣ, в «благонадежности» которых комячейки учебнаго заведенія увѣрены не были. Никто из студентов не мог считать себя гарантированным от увольненія при этой «чисткѣ»; над всѣми висѣла угроза увольненія из высшаго учебнаго заве-

деня, куда ему удалось попасть только послѣ пѣлаго ряда невѣроятно трудных препятствій. Понятно, что *предстоящая* «чистка» горячо взволновала всю учащуюся молодежь; всѣ занятія были брошены; студенты только и говрили, только и думали о том, «что день грядущій им готовит». При таком настроеніи студентов было созвано общее собраніе их в том учебном заведеніи, гдѣ состоял мой пріятель.

Вернувшись с этого собранія, он под свѣжим впечатлѣніемъ рассказывал мнѣ о нем. Исполнительное бюро комячейки этого заведенія открыло собраніе. Выборы президіума прошли по раз навсегда установленному образцу, описанному Бухариным; конечно «единогласно» были избраны кандидаты комячейки. Первый оратор из состава этой послѣдней произнес рѣчь, восхваляющую «чистку» и признающую ее не только необходимой, но и крайне желательной. Затѣмъ предсѣдатель предложил другимъ желающимъ высказаться по этому вопросу. Залъ был переполнен студентами, но отвѣтомъ на предложеніе предсѣдателя было гробовое молчаніе. *Cum tacent clamant* — какъ нельзя болѣе уместны были бы здѣсь эти слова Цицерона. Почувствовалъ это и предсѣдатель — коммунист; даже ему стало неловко от такого единодушія, и, покраснѣвъ, он еще раз обратился к студентамъ: «товарищи, почему же вы молчите? Вѣдь этотъ вопросъ такъ живо интересуетъ всѣхъ вас; вѣдь вы всюду во всѣхъ углахъ только и говорите, что о нем. Почему же здѣсь никто изъ вас не хочетъ высказаться?» Отвѣтомъ на эти наивные вопросы предсѣдателя было то же молчаніе; такихъ смѣльчаков, которые рискнули бы высказаться противъ «чистки» в присутствіи комячейки, от которой фактически зависѣлъ исходъ «чистки», конечно, не оказалось. Тогда предсѣдатель предложилъ резолюцію, составленную в духѣ рѣчи перваго оратора: «и студенты привѣтствовали «чистку», не только признавали ее необходимой, но и сами просили совѣтскую власть обязательно ее произвести. Однимъ словомъ студенты выражали очень большое желаніе «сѣчься». Происходитъ голосованіе этой резолюціи по знаменитой формулѣ «кто противъ», конечно, такихъ не нашлось и предсѣдатель провозгласил, что резолюція принята «единогласно».

А на другой день она была напечатана в газетахъ и было подчеркнута необыкновенное единодушіе среди студентовъ и полное «единеніе» ихъ в этомъ вопросѣ с властью.

Эта картина студенческаго собранія чрезвычайно типична. На основаніи личнаго опыта и безчисленныхъ рассказовъ моихъ друзей и знакомыхъ, я утверждаю, что совершенно такъ же происходятъ всѣ собранія и засѣданія в Россіи, гдѣ бы, кто бы и по какому бы поводу ихъ ни устраивал; всѣ «единогласно» принимаемая на этихъ собраніяхъ резолюціи такъ же соотвѣтствуютъ дѣйствительно настроеніямъ и убѣжденіямъ участниковъ, какъ резолюція этого студенческаго собранія.

Невѣроятная зависимость интеллигенціи отъ власти, ничего похожего на которую не было даже в самыя мрачныя дореволюціонныя времена (тогда лица «неблагонадежныя», потерявъ государственную службу, могли всегда найти и находили себѣ заработокъ на частной службѣ; теперь же никакой частной службы нѣтъ и потерявшій казенную службу обреченъ с семейнѣ дочтя на вѣрную голодную смерть), заставляетъ совѣтскихъ служащихъ для сохраненія своего за-

работка исполнять всѣ требованія и желанія своего начальства, своей комячейки, постоянно итти на всевозможныя компромиссы, действовать иногда противъ самыхъ завѣтныхъ, самыхъ дорогихъ убѣжденій. И в громадномъ большинствѣ случаевъ языкъ не поворачивается произнести слова осужденія по ихъ адресу, когда знаешь, что не поступи они такъ, семья ихъ была бы обречена на голодную смерть.

Внѣ службы, дома совѣтскій гражданинъ чувствуетъ себя немногимъ лучше. В 1924 г. в Москвѣ и Петербургѣ было произведено т. н. «рабочиваніе» правленій жилищныхъ товариществъ, а затѣмъ примѣру этому послѣдовали и другіе города. Нужно сказать, что в большинствѣ домовъ всѣ жители с'организовываются в жилищныя товарищества, которыя берутъ домъ в аренду у Отдѣла Коммунальнаго Хозяйства и управляютъ имъ при посредствѣ избраннаго всѣми членами товарищества правленія. По болѣе части в такія правленія попадаютъ люди интеллигентныя, какъ наиболѣе подготовленные для этого дѣла. Конечно, они исполняли распоряженія совѣтской власти только «постолько, поскольку» это было неизбежно, чтобы не подвергаться преслѣдованію и никакого усердія в этомъ отношеніи не проявляли. Совѣтская власть рѣшила и эти правленія превратить в своихъ вѣрныхъ слугъ и приняла мѣры, чтобы вытѣснить изъ нихъ интеллигенцію и замѣнить ее лицами «пролетарскаго происхожденія» и коммунистами. Была открыта большая компанія на столбцахъ совѣтскихъ газетъ; на общія собранія жильцовъ в каждый домъ посылались инструктора изъ состава коммунистической партіи или изъ числа испытанныхъ в своей вѣрности совѣтской власти членовъ профессиональныхъ союзовъ с соотвѣтствующими инструкціями, производившіе выборы по описанному Бухаринымъ рецепту; наконецъ, былъ изданъ декретъ, в силу котораго мѣстной власти предоставлялось право вводить в составъ правленія члена коммуниста по назначенію, если самими жильцами не будетъ избранъ ни одинъ коммунистъ. В результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій теперь в составѣ правленія почти каждаго дома входитъ коммунист, т. е. почти в каждомъ домѣ имѣется свой собственный домашній шпионъ.

В этомъ послѣднемъ утвержденіи нѣтъ никакого преувеличенія. Коммунистамъ все время внушается свыше, что долгъ каждаго честнаго члена партіи — прежде всего слѣдить за контрреволюціонными настроеніями и сейчасъ же доносить, если онъ что-либо замѣтитъ в этомъ отношеніи; к тому же с точки зрѣнія коммунистической этики доносы вовсе не являются дѣломъ непохвальнымъ; основнымъ положеніемъ этой этики (какъ было сказано в опубликованномъ недавно в Московскихъ газетахъ проектѣ кодекса коммунистической этики, выработанной по порученію Ц. К. партіи) является: «все морально и отлично, что клонится к пользѣ пролетаріата и къ успѣху мировой социальной революціи». Поэтому все, что происходитъ в домѣ, сейчасъ же можетъ сдѣлаться извѣстнымъ этому домашнему согладату; во все онъ можетъ вмѣшаться и причинять — что и бываетъ часто на самомъ дѣлѣ — разныя мелкія, а иногда и крупныя непріятности жильцамъ своего дома, такъ какъ права и обязанности домоуправителей довольно обширны; они в сущности являются для своего дома низшимъ отдѣленіемъ милиціи.

Такимъ образом, и на службѣ, и дома совѣтскіе граждане никогда не могутъ считатьъ себя в безопасности отъ «всевидащаго ока». Все

это, разумѣется, держит их в чрезвычайном нервном напряженіи и часто развивает настоящую шпиономанію.

Все населеніе Россіи лишено сейчас самых элементарных прав человѣка и гражданина. Никакой свободы слова, никакой свободы собраній и союзов. В Петербургѣ каким-то чудом существовало нѣкоторое время т. н. Вольно-Философское общество («Волфила» по совѣтской терминологіи); еженедѣльные собранія его были многолюдны и по общим отзывам интересны; они не совсѣм соответствовали названію его, так как предметом их была не только философія, но и поэзія, и искусство; участниками были не только философы, но и поэты, писатели и художники. Конечно, никакой политики тут совершенно не было; царили чистая наука, чистое искусство, но без казеннаго штампа; участники этого общества позволяли себѣ в области философіи не быть послѣдователями материалистической философіи, — а вѣдь она одна только и допускается сейчас в Россіи; читали также стихи, которых цензура не допустила к печати потому, что, напримѣр в них упоминается Бог, говорится о душѣ и т. п.

Всего этого совѣтская власть потерпѣть не могла, и в апрѣлѣ 1924 г. это общество было закрыто. Последнее засѣданіе его прошло с большим подъемом; говорились такія старыя, такія знакомыя русскому интеллигенту слова о том, что идеи не могут быть убиты штыками, что они в концѣ-концов восторжествуют. Но пока торжествовал побѣду совѣтскій штык.

Много в послѣднее время в совѣтских газетах говорят о т. н. «совѣтской общественности». Под этим именем разумѣют такія организаціи, как Добролет (общество друзей воздушнаго флота), Доброхим (общество друзей химической обороны страны), Мопр (международное общество помощи борцам за революцію) и т. п. Но пусть никого не вводит в заблужденіе это названіе; ничего из того, что обыкновенно понимается под словом общественность, здѣсь нѣтъ. Это самыя обыкновенныя казенныя организаціи; образованы они не по какому-нибудь общественному почину, а по повеленію свыше, верхами «правящей» партіи. Все происходит по раз навсегда установленному «церемониалу». Избирается на учредительном собраніи президіум общества из видных партійных дѣятелей; затѣм избираются почетные члены — всегда и всюду одни и тѣ же лица: Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Калинин, Рыков и др.; раньше всегда сюда входил и Троцкій, но в послѣднее время этой чести он уже лишен. Послѣ такого «крещенія», организація широко рекламируется в совѣтской печати и в циркулярах коммунистической партіи; участіе в ней объявляется долгом каждого «честнаго совѣтскаго гражданина». И сейчас же всѣ безчисленные комитеты служащих и рабочих, всѣ комячейки во всѣх учрежденіях и предпріятіях предлагают своим сослуживцам исполнить этот долг; смѣльчакъ, которые бы отказались послѣдовать этому предложенію, не встрѣчается и обыкновенно всѣ служащіе и рабочіе из соргоге вступают в организацію. Сейчас нельзя встрѣтить в Россіи служащаго или рабочаго, который бы не состоял членом в 2-х или 3-х таких организаціях; но все участіе сводится только к уплатѣ членских взносов, которые всегда предусматрительно удерживаются при выдачѣ жало-

ванья. Совѣтскія газеты полны упреков, что дальше этого дѣло не идет.

Таков «добровольный» характер членства во всѣх этих организаціях. Понятным теперь дѣлается огромное число членов их; так, напримѣр, Мопр насчитывает до 3½ миллионъ членов (как видите, много больше того «милліона комсомольцев», который так сразил Савинкова). Вообще этот Мопр очень интересная организація. Всѣ тюрьмы Западной Европы, в которых содержатся коммунисты, гдѣ бы они ни находились, расписаны между всѣми, даже самими глухими, углами совѣтской Россіи; каждый из них имѣет своего «шефа», напримѣр в лицѣ рабочих и крестьян какого-нибудь Царевкошайска и т. п. В чем именно выражается это шефство и насколько интенсивна связь «шефа» с его «подшефной» тюрьмой, остается неясным; но совѣтская пресса утверждает, что такое шефство дает громадную моральную поддержку заключенным в западно-европейских тюрьмах коммунистам.

Чрезвычайно тяжело материальное положеніе русской интеллигенціи лишает ее почти всякой возможности удовлетворять самыя насущныя культурныя потребности. В частности, очень тяжело стоит книжный вопрос. Сейчас в Россіи сравнительно очень развито издательское дѣло; кромѣ государственнаго, существует еще довольно много и частных издательств. Главная масса издающихся теперь книг политическо-агитационнаго содержанія; разумѣется, тут коммунистическая партія монопольна; но за послѣдніе годы было издано и довольно много книг из других областей; очень широко представлена переводная иностранная литература — беллетристика и мемуарная. Но покупка книг сейчас совершенно недоступна для интеллигентнаго человѣка; я ни гдѣ ни у кого из моих многочисленных знакомых не видѣл ни одной собственной новой книжки. Приходится прибѣгать к содѣйствію библиотек; однако, и в этом отношеніи положеніе довольно печально. В Петербургѣ еще есть одна частная прекрасная бібліотека, т. н. «бібліотека новых книг», существующая еще с 1909 года (на Невском против Гостиннаго двора); там есть всѣ вышедшія за послѣдніе годы в Россіи книги. Но в Москвѣ, как это ни странно, нѣтъ ничего подобнаго. Переѣхав осенью прошлаго года в Москву, я долго искалъ такую же бібліотеку, спрашивал коренных москвичей, но все было напрасно. Частной бібліотеки сейчас в Москвѣ нѣтъ ни одной; всѣ бывшія громадныя бібліотеки национализированы и называются «общественными», т. е. являются казенными. Мнѣ указали на бібліотеку в Петровских линіях, считавшуюся прежде в Москвѣ лучшей; я абонирировался там. Но что осталось от этой бібліотеки! Новых книг очень мало, а старый состав очень пострадал от цензуры; особенно жалки отдѣлы философіи, психологии, религіи. Почти все, что идет в разрѣз с единственно допускаемым теперь в Россіи материалистическим міросозерцаем, изъято из библиотек; а религіозный отдѣл состоит исключительно из современной антирелигіозной литературы.

Газет выходит сейчас в Россіи очень много; всѣ онѣ, разумѣется, коммунистическія. Но в сущности названія газет заслуживают только три московскія — «Извѣстія», «Правда» и «Экономическая Жизнь»; всѣ же остальные, даже петербургскія — это жалкіе листки, почти не дающіе никакой общей информации и жи-

вущие только перепечатками из московских газет. Появились и толстые журналы, из которых нѣкоторые рекомендуют себя безпартийными; но в сущности этот эпитет при примѣненіи к ним должно заключать в кавычки.

Террор в том видѣ, как он примѣнялся в 1918—1921 г.г., сейчас не существует; но, так сказать, «тихий» террор в полном ходу. Всѣ тюрьмы все время переполнены; Г. П. У. работает, не покладая рук. В чрезвычайном примѣненіи теперь административная ссылка, которая назначается очень щедро и в большинстве случаев без всяких оснований, — часто послѣ того, как прокурор (совѣтскій прокурор-коммунист) отказывается дать дѣлу ход в судебном порядкѣ за отсутствіем каких бы то ни было улик. В апрѣлѣ прошлаго года в Петербургѣ, Москвѣ и др. крупных центрах вспыхнула как бы эпидемія арестов: в теченіе приблизительно недѣли в Петербургѣ было арестовано нѣсколько тысяч (в Москвѣ, говорят, еще больше) людей самаго различнаго положенія и состоянія, так что никто послѣ этого не мог считать себя застрахованным от такой же участи. Что было причиной этой «эпидеміи», так и не удалось выяснитъ. И теперь, когда я в январѣ т. г. покидал Москву, всѣ московскія тюрьмы были переполнены политическими. Большинство тѣх, кто попадает теперь в Г. П. У., сидит там по нѣсколько мѣсяцев, пока тянется слѣдствие; а затѣм по большей части это сидѣніе заканчивается административной ссылкой, часто в такія мѣста, как, напримѣр, Нарымскій край. В большом примѣненіи в Москвѣ т. н. «разгрузка Москвы от спекулянтов и других паразитирующих элементов». Если даже и признатъ в принципѣ законным выселеніе из переполненной Москвы лиц этой категоріи, то никак нельзя согласиться с тѣм варварским, нигдѣ не слыханным способом, каким это совершается: у таких лиц конфискуется все их имущество и затѣм их выселяют, главным образом, в Нарымскій край. И такое тяжкое наказаніе накладывается в административном порядкѣ на лиц, к которым нельзя предъявить никакого обвиненія в совершеніи ими какого-либо уголовно-наказуемаго дѣянія. Но этого мало: под видом лиц такой категоріи часто расправляются с представителями русской интеллигенціи, ничего общаго с спекулянтами не имѣющими; я зналъ, напримѣр, в Москвѣ одного б. полковника, который в таком порядкѣ был выслан в Соловки, а его жена — в другое мѣсто; о таком варварском примѣрѣ — разлукѣ супругов при ссылкѣ их обоих — я вообще много слышал в Москвѣ.

Чтобы покончить с этой стороной жизни русской интеллигенціи, я должен еще отмѣтить, что в мартѣ 1924 г. Г. П. У. особым секретным декретом, который опубликован не был, вновь получило право разстрѣливать своих арестованных без суда. Но теперь о таких «административных» разстрѣлах уже не публикуют; только ближайшіе родственники несчастных узнают о судьбѣ, постигшей их близких, иногда даже не сразу. Мнѣ лично извѣстно от родных разстрѣланных нѣсколько случаев таких разстрѣлов в Петербургѣ и Москвѣ весной 1924 г.

Я хотѣлъ бы отмѣтить еще одну чрезвычайную тяжелую сторону русской интеллигенціи — это вопрос об образованіи дѣтей. Средняя и высшая школа сейчас в Россіи в несравненно худшемъ состояніи, чѣм в дореволюціонное время; особенно университеты, которые почти

разгромлены. Но даже в такую несовершенную школу интеллигентному человѣку очень нелегко опредѣлить своих дѣтей. Если со средней школой этот вопрос разрѣшается еще сравнительно благополучно, то в отношеніи высшей положеніе становится прямо трагическим. Для доказательствъ приведу нѣсколько цифр, опубликованных в официальном порядкѣ в прошлом году в Московских «Извѣстіях». На 1924 г. прием во всѣ высшія учебныя заведенія Р. С. Ф. С. Р. (т. е. всей Россіи без Украины, Кавказа и Бѣлорусіи) был ограничен 13 500 вакансіями. Из них 8 000 мѣст предоставлено было лицам, окончившим т. н. «рабочіе факультеты»*), причем во всѣ высшія техническія и спеціальныя высшія учебныя заведенія могли быть приняты в 1924 г. только эти «рабфаковцы»; 5 000 мѣст предназначено было для лиц, получивших командировки в высшія учебныя заведенія от коммунистической партіи, комсомола, профессиональных союзов и т. п. учреждений и организацій; и только 500 вакансій было оставлено для лиц, окончивших среднюю школу. А таких в 1924 г. было около 35 тысяч человѣкъ; кромѣ того, от выпуска 1923 г. осталось очень много не попавших в высшую школу. Если даже опредѣлить число этих послѣдних только в 15 тысячъ человѣкъ (хотя на самом дѣлѣ их было гораздо больше), то и тогда получится, что для 50 тысячъ лиц обоего пола, окончивших среднюю школу, было только 500 вакансій, т. е. одна вакансія на 100 кандидатов. Если посчитать, что всѣ 5 тысячъ вакансій, оставленных для командированных, тоже были заняты лицами, окончившими среднюю школу, то и тогда из этих послѣдних в высшую школу могло попасть только 11%; остальным же 89% приходится отказываться от всякой надежды получить высшее образованіе. Положеніе их вообще ужасно, так как найти себѣ какой-нибудь заработок при царщій в странѣ колоссальной безработице и при массѣ безработных высоко-квалифицированных работников с большим стажем, им совершенно невозможно.

Еще одни скорпионы уготованы совѣтской властью с 1924 года для дѣтей той части русской интеллигенціи, которая причисляется к т. н. «нетрудовому элементу» (в эту категорію входят всѣ лица, «не пролетарскаго» происхожденія, не состоящіе членами профессиональных союзов): это особый порядок отбыванія ими воинской повинности. В красную армию они не принимаются, а из них составляются особы «команды обслуживающих», назначеніе которых состоит в выполненіи в войсковых частях всѣх черныхъ работ — по очисткѣ казарм, уборкѣ дворов и т. п. Служба в таких частях — 2-х лѣтняя, при этом никаких льгот ни по образованію, ни по семейному положенію тут не допускается.

Послѣ всего сказаннаго, быть может, станет понятным то состояніе, в каком сейчас находится большинство русской интеллигенціи. Невѣроятная моральная усталость, кака-то апатія и безразличіе ко всему; всѣ живут только настоящим днем, стараясь даже не думать о будущем, гдѣ не видно никакого реальнаго просвѣта, никакой надежды на лучшую жизнь. Каковы бы ни были требованія или мѣропрія-

*) Под этим именем разумѣются факультеты, куда принимаются только лица пролетарскаго происхожденія — рабочіе и крестьяне, умѣющіе грамотно писать и читать; послѣ 3-х лѣтняго пребыванія на таком факультетѣ слушатели его переходят в высшія учебныя заведенія.

тия совѣтской власти, большинство безпрекословно им подчиняется, главным образом, вслѣдствие той невѣроятной зависимости от власти, которую я старался обрисовать выше и того террора, который сейчас царит в странѣ, но отчасти и вслѣдствие этой моральной усталости. Ни к каким активным протестам, дѣйствіям большинство уже не способно.

Постоянные компромиссы, к которым большинству приходится прибѣгать для того, чтобы путем сохранения своего служебнаго положенія спасти свою семью от голодной смерти, не проходят даром: они влекут за собой у многих постепенное пониженіе чувств собственнаго достоинства и почти полное отсутствіе хотя какого-нибудь гражданскаго мужества; как ни тяжело, но приходится это констатировать, так как жизнь почти каждый день приносит доказательство этого. Особенно ярко это сказалось послѣ «Кіевского профессорскаго процесса» в апрѣлѣ 1924 года.

В числѣ подудимых, обвинявшихся в контр-революционных сношеніях с русской эмиграціей, было нѣсколько профессоров; обвиненіе было предъявлено въѣм по статьѣ, карающей разстрѣлом. Дѣло разбиралось в Кіевѣ около 3-х недѣль и привлекло в себѣ напряженное вниманіе широких общественных и научных кругов за-границей, в результатѣ чего Пуанкаре обратился к Чичерину с телеграммой, в которой от имени французских ученых просил пощадить жизнь кіевских ученых. Совѣтская власть открыла на столбцах газет бѣшеную кампанію против Пуанкаре, называя его обращеніе недопустимым вмѣшательством в русскіе внутренніе дѣла и посягательством на независимость суда (хотя телеграмма эта была получена и опубликована уже послѣ вынесенія приговора). И вот, как по командѣ, всѣ научные общества, всѣ организации ученых во всѣх концах Россіи стали присоединяться к такому отношенію совѣтской власти к телеграммѣ Пуанкаре и выносить постановленія, в которых они, протестуя против Пуанкаре, заявляли, вопреки вопіющей очевидности, что нигдѣ свобода науки не обеспечена так, как в Совѣтской Россіи и что никто так не заботится об ученых, как совѣтская власть. Цѣлый ряд отдѣльных профессоров поступил так же; нѣсколько дней совѣтскіе газеты пестрѣли такими заявленіями, под которыми с тяжелым недоумѣніем и даже ужасом пришлось прочесть такіа имена, как вице-президент Академіи Наук Стеклов, непремѣнный секретарь Академіи Ольденбург, академик Ферсман, Бехтерев и др. крупнѣйшія русскіе ученые. Закончилась вся эта исторія страшной сценой (излагаю ее по подробному отчету, напечатанному в Кіевской «Пролетарской Правдѣ»).

«Послѣ окончанія процесса, по которому было вынесено 4 смертных приговора, а большинство остальных участников были приговорены к 10 лѣтнему тяжкому заключенію, было устроено в Кіевѣ торжественное засѣданіе пленума городского совѣта рабочих и крестьянских депутатов, причем в состав президіума были приглашены и профессора — члены совѣта (их было трое, в том числѣ старый профессор Кіевского Политехникума Делоне). Послѣ ряда рѣчей с восхваленіем приговора, в которых профессора соперничали с коммунистами, причем особенно далеко пошел в этом отношеніи профессор Делоне, всѣми присутствующими была устроена горячая овация

предсѣдателю и прокурору суда и предсѣдателю Г.П.У.»

Представьте себѣ русскаго профессора, принимающаго участіе в публичном чествованіи представителя и прокурора суда, только что вынесших смертный приговор по политическому дѣлу, и начальника охраннаго отдѣленія; вѣдь в самыя мрачныя времена старо режима подобную картину нельзя было бы увидѣть — даже во снѣ.

Но не всѣ дошли до такого паденія. Несмотря на ужасный террор, все же появляются люди, смѣло и открыто заявляющіе о невозможности такого лишенія населенія всѣх элементарных человѣческих прав. На судѣ большинство участников Кіевского процесса, смотря в лицо смерти, под угрозой разстрѣла, вели себя, как свободные люди. Они открыто признавали, что их цѣль — введеніе в Россіи республиканско-демократическаго строя, что совѣтскій режим — временный, что он должен быть замѣнен режимом равноправія и свободы для всѣх граждан, гарантированными одинаково для всѣх доступом в представительныя учрежденія. Поведеніе подудимых вызвало явное сочувствіе присутствовавшей в судѣ публики, большинство которой состояло из рабочих, и даже невольное уваженіе самих коммунистов.

Есть еще одно славное имя в Россіи, хорошо извѣстное на всем земном шарѣ — это имя знаменитаго физиолога И. П. Павлова. Он не опозорил себя заявленіями, подобными вышеприведенным; мало того, он имѣет большое гражданское мужество постоянно в Медицинской Академіи открыто выступать перед своими слушателями с рѣзкой критикой совѣтской власти. В этом отношеніи я могу сослаться на достаточно авторитетнаго свидѣтеля — самаго Зиновьева, приведшаго в своей рѣчи на сѣздѣ ученых большую цитату из такого выступления Павлова. Но перед авторитетом Павлова склоняется и совѣтская власть и он, так сказать, пользуется в Совѣтской Россіи своего рода экстерриториальностью.

Еще одно свидѣтельство — из стенографическаго отчета Зиновьева XIII партійному сѣзду в маѣ 1924 г. К сожалѣнію, у меня сейчас нѣтъ этого отчета под рукой и я не могу привести цитату дословно; но в свое время я довольно усердно читал этот интересный отчет и ручаюсь за точную передачу того, что излагаю своими словами.

Говоря о том, что «контр-революція опять поднимает голову», Зиновьев цитировал рѣчь, произнесенную одним из участников бывшаго незадолго перед тѣм инженернаго сѣзда. Указывая на несогласованность работы между коммунистами и безпартійными, оратор сказал, что причиной этого является коренное, принципиальное различіе в основных убѣжденіях между ними. Мы — безпартійные интеллигенты, сказал он, прежде всего и выше всего ставим права человѣческой личности. И вот пока эти права нам не будут обеспечены, никакая сознательная работа в Россіи невозможна.

Открыто высказать такой взгляд — это сейчас в Россіи акт чрезвычайнаго мужества.

Прочитывая эту рѣчь инженера, Зиновьев выразил глубокое удивленіе, каких же собственно прав не хватает оратору и его единомышленникам. Вѣдь если они состоятъ членами профессиональнаго союза, они обладают правом выбора в совѣты; какіе же еще другіе

права им необходимы. «Я знаю, добавил он, что они хотѣли бы имѣть такіе права, как на капиталистическом Западѣ, чтобы при помощи их захватить в свои руки управление страной; но я заранѣе скажу им: таких прав они у нас не увидятъ, как своих ушей без зеркала».

Несмотря на такую ужасную жизнь, большинство русской интеллигенціи, насколько я мог убѣдиться в том по своим наблюдениям, вовсе не стремится к замѣнѣ совѣтской власти немедленно, во что бы то ни стало, совершенно не считаясь с тѣм, кто должен прийти на смѣну. И не потому, что бы оно примирилось с этой властью; нѣтъ, сейчас оно еще непримиримѣе по отношенію к ней, чѣм когда-либо.

Ни о какой иностранной интервенціи, ни о каком приходѣ из-за границы каких-либо армій, ни о каком «Императорѣ» Кириллѣ или Великом Князѣ Николаѣ Николаевичѣ, интеллигенція больше не думает; ничему этому она больше не вѣрит, а главное и не желает, считая все это только вредным для родины. Она страстно желает избавить свою родину от нынѣшних ужасных властителей ее, но не всякой цѣлой. Как и когда совершится это избавленіе — надежда, которая все же не перестает ни на минуту теплиться гдѣ-то в самой глубинѣ души, — все это представляется еще совершенно неясным; но в одном всѣ твердо увѣрены — *извинь* это прийти не может.

А. В.

Из заграничной жизни.

Аграрныя реформы в Европѣ.

Вліяніе войны на социальную жизнь сказалося в области аграрных отношеній с исключительной силой. В теченіи войны продовольственная проблема с небывалой убѣдительностью доказала преимущества мелкаго и средняго сельскаго хозяйства в европейских условиях, ибо в густо населенных европейских государствах с малой территоріей от земли надо было брать максимум ея производительности, а среднее и мелкое сельское хозяйство производителнѣе с единицы площади, чѣм хозяйство крупное. Проблема созданія фронта из миллионов физически и морально выносливых людей еще раз подчеркнула значеніе класса земледѣльцев, как «упорства и силы націи во время борьбы» (Рузвельт).

Объективное значеніе крестьянства для самогo существованія государства выросло не только в сознаніи руководителей государственной жизни и всѣх общественных групп. Оно выросло и в сознаніи крестьянства. Вмѣстѣ с тѣм мобилизація мужского населенія деревни в армию — главный орган націи в то время, — привлеченіе многих из оставшихся, как мужчин, так и женщин, в разбухшую промышленность и ряд других факторов встряхнули крестьянство. Активность каждаго в отдѣльности и всѣх вмѣстѣ повысилась и — послѣ войны — крестьянство, как группа в обществѣ, оказалась дѣятельнѣе, чѣм прежде. В настоящій момент крестьянскія партіи играют видную роль во многих государствах Европы. Иногда эта роль — руководящая.

Таковы факторы, созданные или усиленные войной, и в этом новом состояніи дѣйствующіе на аграрныя отношенія в Европѣ.

Другіе факторы рождены или усилены послѣдствіями войны.

Возникновеніе большого числа національных государств, связанное с побѣдой прежде угнетенных и обезземеленных народов, повело к широкому проведению национально-колониальной политики (в Польшѣ, Литвѣ, Эстоніи, Латвіи, Чехословакіи). Новая государства возникали революціонным путем, среди старых нѣкоторые тоже пережили революцію (Германія, Австрія) или прошли по краю ея (Италія). Революціи вызвали необходимость крѣпить социальными мѣрами новый порядок. Укрѣпленіе пошло, между прочим, и путем демократизаціи землевладѣнія. Наконец, прираз большевизма заставлял во многих случаях классы,

враждебные крестьянству, легче идти на уступки ему и классы нейтральные внимательнѣе относиться к требованіям, которыя крестьянство предъявляло. Так было в Чехословакіи, во время господства коммунистов в Венгріи, так было, конечно, в пограничных с Россіей государствах — Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, Литвѣ и Польшѣ. В Польшѣ закон об аграрной реформѣ принят в момент, когда конница Буденнаго оперировала уже в польских землях, стремительно идя вперед.

Таковы общія причины, вызвавшія аграрныя реформы в Европѣ послѣ войны. В разных странах онѣ дѣйствуют с разной силой и приносят разные результаты. В отдѣльных государствах стимулирующая сила отдѣльных причин мѣняется и во времени. В странах, до войны ведших активную земельную политику в пользу крестьянства, новѣйшія аграрныя мѣропріятія умѣреннѣе. В странах, такой политики не ведших, предпринимаемые нынѣ шаги радикальнѣе. Этот радикализм с теченіем времени спадает, как в законодательствѣ, так в особенности при практическом примѣненіи изданных уже законов. Из всѣх этих обобщеній есть, конечно, исключенія, но господствующія тенденціи таковы.

В одной странѣ — в Росіи — произошла аграрная революція. Насильственные дѣйствія сопровождали аграрныя преобразованія и в других странах (в Югославіи, Чехословакіи, Италіи). Однако, это были мѣстныя незначительныя явленія. Как правило, грандіозное перемѣщеніе земель и соотвѣтственная ломка социальных отношеній происходили законодательным путем. В одном государствѣ — в Румыніи — произошел нѣкоторый правовой переворот. Здѣсь проведеніе земельной реформы потребовало созыва учредительнаго собранія и перемѣны одной из статей конституціи, слишком прямолинейно защищавшей частную собственность и тѣм мѣшавшей изданію закона об эспроприаціи помѣщичьих земель.

В итогѣ — двадцать два государства Европы послѣ войны ведут в высокой степени активную земельную политику в цѣлях развитія мелкаго и средняго землевладѣнія, в пользу крестьянства.

Из крупных государств всего лишь пять — Франція, Бельгія, Голландія, Швейцарія и Турція — такой политики не ведут. При этом относительно Франціи слѣдует замѣтить, что сильное теченіе в пользу аграрной реформы имѣлось и там. В 1920 году был даже выра-

ботан и внесен в парламент соответствующій законопроект.

* * *

Происходящія в двадцати двух государствах аграрныя реформы по своему социальному содержанию могут быть раздѣлены на два типа.

Первый тип реформ проводится в Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Ирландии и Испании — всего в шести государствах; второй тип осуществляется в Россіи, Эстонии, Латвіи, Литвѣ, Польшѣ, Румынии, Болгарии, Греции, Югославии, Чехословакии, Финляндии. Аграрныя реформы в пяти остальных странах занимают среднее положеніе между крайними типами, но ближе ко второму, чѣм к первому. Этот промежуточный тип имѣет мѣсто в Италіи, Португаліи, Германіи, Австріи и Венгрии.

Различіе между двумя типами реформ может быть, во-первых, определѣно по социальной цѣли. В первой группѣ стран реформы имѣют задачей лишь нѣкоторое усиленіе крестьянскаго землевладѣнія. Это усиленіе может идти (или идет) за счет землевладѣнія крупнаго, но до рѣшительной борьбы с послѣдней далеко. Во второй группѣ стран намѣчена и происходит полная или близкая к ней ликвидація крупной земельной собственности.

В связи с этим стоит и второе различіе — в методах проведения реформ. В реформах первого типа государство играет роль, лишь подталкивающую процесс перехода земли из рук помѣщиков в руки крестьянскія или процесс освоения земель прежде неиспользовавшихся под сельско-хозяйственную культуру. Примѣняемые тут средства — финансовыя и кредитныя мѣропріятія. В реформах второго типа государство дѣйствует принудительно. Средством является отчужденіе земли у крупных собственников и надѣленіе ею крестьян.

И в том, и в другом смыслѣ реформы первой группы — умѣренныя, реформы второй группы — радикальныя.

Наконец с точки зрѣнія преслѣдуемых хозяйственно-технических цѣлей первый тип реформ характеризуется *колонизаціей*, созданием новых хозяйств. Второй тип характеризуется *парцелляціей* земли крупных владѣній надѣленіем ею не только новых хозяйств, но и хозяйств уже существующих.

Первый тип реформ проводится в государствах, давно начавших активную земельную политику и ничего принципиально новаго в себѣ не содержит. Мѣры, принимавшіяся прежде, расширились, интенсифицировались, но измѣненія эти носят характер количественных, а не качественных измѣненій.

Реформы второго типа — принципиально новое явленіе послѣвоеннаго времени. Вниманіе наблюдателя современнаго аграрнаго переустройства привлекается преимущественно к ним.

Выше было сказано, что характерной чертой реформ второго типа является принуждающая роль государства. Принужденіе начинается с факта отчужденія земель, необходимых для цѣлей реформы. Категория владѣльцев, подвергающихся такой экспроприаціи, варьирует по разным странам в зависимости от мѣстных условий: количества необходимой для надѣленія земли, количества ея у разныхъ категорій владѣльцев и условий социальнаго, так и національнаго характера. Однако, частновладѣльческія земли вездѣ считаются подлежащими отчужденію. При перечисленіи экспроприруе-

мых земель в текстѣ законов, частныя владѣнія, правда, в большинствѣ случаев стоят на послѣднем мѣстѣ. Фактически же земля помѣщиков отчуждается наравнѣ с землями иных категорій владѣльцев (церкви, публичныхъ союзов и т. д.). Это происходит потому, что обыкновенно онѣ составляютъ главную массу земельного фонда, могущаго служить цѣлям реформы и потому еще, что крупное землевладѣніе руководителями государственной жизни признается подлежащимъ ликвидаціи. Упомянутое помѣщичьихъ земель на послѣднем мѣстѣ в законахъ объясняется лишь уступкой привычной старой психологіи и консервативной оппозиціи.

Земля у помѣщиков отчуждается за вознагражденіе. В странах, проводящих реформы умѣреннаго типа, иногда (в видѣ исключенія) также разрѣшается принудительное отчужденіе земли, но вознагражденіе за отчужденное имущество устанавливается по соглашенію сторон (напр., в Англии). Не то при проведеніи реформ второго типа. Здѣсь размѣр вознагражденія определѣется одной стороной — государством, которое снова выступает во властной роли. При этом вознагражденіе обыкновенно бываетъ ниже дѣйствительной стоимости земли. В одномъ случаѣ — в Латвіи — вопрос о вознагражденіи, будущи сначала принципиально рѣшенъ в положительномъ смыслѣ, был затѣм перерѣшенъ и уплата вознагражденія помѣщикамъ была принципиально отвергнута. Но тут вмѣшалось международное давленіе и вопрос о вознагражденіи бывшихъ собственников экспроприированной земли был поставленъ вновь.

В другой странѣ — в Эстоніи — вопрос о вознагражденіи помѣщиков за отчужденную землю был при принятіи основнаго закона о реформѣ оставленъ открытымъ и до сих пор разрѣшенія не получилъ.

Помѣщику оставляется извѣстное количество земли. Норма оставленія колеблется в зависимости от мѣстныхъ условий, не превышая, однако, размѣровъ средняго земельного владѣнія. Из этого правила также имѣются исключенія. У нѣкоторыхъ категорій владѣльцев земля отчуждается цѣликомъ. Вообще же наиболѣе сильно страдающими от реформы категоріями земледѣльцев являются иностранцы (Польша), свои подданные, постоянно проживающіе за границей (Румынія), нерационально эксплуатирующіе имѣнія (Италія), приобрѣтшіе имѣнія на военную сверх-прибыль (Германія). С другой стороны, в нѣкоторыхъ случаяхъ земля может быть оставлена помѣщику в большемъ против нормы количествѣ. Обыкновенно такъ бываетъ с образцовыми имѣніями.

Сельско-хозяйственный инвентарь, как правило, раздѣляетъ судьбу земли, но выкупная цѣна за него приближается к рыночной стоимости или совпадаетъ с нею.

Отчужденіе производится органами, проводящими реформу, причем с момента изданія закона на помѣщика накладывается лишь нѣкоторыя ограниченія в правахъ его по распоряженію землей (Польша). Эти ограниченія имѣютъ главнымъ образомъ цѣлью регулировать земельный оборотъ. В другихъ случаяхъ земля отчуждается самымъ фактомъ изданія закона о реформѣ (Эстонія). Есть и промежуточныя формы, рожденныя, какъ компромиссы двухъ только что указанныхъ стремленій. Такъ обстоитъ дѣло в Чехословакии, гдѣ юридическій режим, которому подчиняются крупныя владѣнія с момента изданія закона о реформѣ до момента фак-

тического отчуждения, погребовал даже создания специального юридического термина — *забог*. Крупные имения считаются «забранными» государством, владѣлец их сильно ограничен во всѣх своих правах и подконтролен государству в своей хозяйственной дѣятельности. Но имѣние не экспроприровано (на чем настаивали при выработкѣ закона социаллисты) и вмѣстѣ с тѣм не является собственностью владѣльца, ожидающей экспроприации (на чем настаивала аграрная партія).

Земля, отчуждаемая от помѣщиков, передается крестьянам в собственность. Надѣленіе земель в собственность является общим правилом. Исключением была и пока остается одна лишь Эстонія. Аграрный закон 1919 года устанавливает, что экспроприованныя земли переходят в собственность государства. После этого государственными землями должны надѣляться мелкие земледѣльцы в наследственное пользование; учреждения, кооперативы и торгово-промышленныя предприятия надѣляются в долгосрочную аренду; прочие лица — в краткосрочную аренду. Наследственное пользование должно регулироваться особым законом, издание котораго было обѣщано в основном законѣ. Однако, этот дополнительный акт до сих пор не издан, т. к. в широких слоях эстонскаго народа и в парламентѣ идет сильная борьба за надѣленіе в собственность. Уже в 1919 году отсрочка детализации порядка наследственного пользования была компромиссом между различными фракціями учредительнаго собрания, уступкой сторонником национализации земли сторонникам собственности частной, бывшим в меньшинствѣ. С тѣх пор в настроеніи мас произошли большіе сдвиги и издание проектированнаго закона опончательно затормозилось. В настоящій момент предполагается компромисс уже иного рода. Как надѣляемые крестьяне, так и политическія группировки, склонны рѣшить вопрос предоставленіем каждому получателю земли свободы самому выбирать между собственностью и наследственным пользованіем. Законодательной реализацией этот компромисс еще не получился.

Во всѣх остальных государствах, как указано было выше, из разных видов надѣленія господствует надѣленіе в собственность. Аренда применяется при надѣленіи, носящем исключительный характер: когда земля надѣляется в болѣе крупных или болѣе мелких, сравнительно с нормой, размѣрах. Так предполагалось поступать, например, в Чехословакии с «остатками имѣній», распарцелированных в ходѣ реформы (под «остатком имѣнія» понимается усадьба с болѣе или менѣе значительной земельной площадью, позволяющей рационально использовать усадебныя постройки и пр.). Впрочем, здѣсь намѣренія законодателя были опрокинуты жизнью. Фактически «остатков имѣній», надѣленных в аренду и в собственность было: в 1921 г. — 50% и 50%, в 1922 г. — 37% и 63%, в 1923 г. — 3% и 97%.

В нѣкоторых странах очень большія разногласія вызывал вопрос о предпочтеніи одного из двух видов собственности — индивидуальной и коллективной. Общая тенденція — на первое мѣсто ставить собственность индивидуальную. В первое время послѣ войны, когда во многих парламентах влияние социалистов было значительнѣе, а сами они радикальнѣе, чѣм сейчас, уклон в пользу насажденія коллективной собственности был велик. Это отразилось

в законодательствѣ. Однако, при практическом примѣненіи изданных законов коллективы землевладѣльческіе не привились в сколько-нибудь широких размѣрах. Примѣр этому дает опять Чехословакія. Здѣсь при разработкѣ закона о надѣленіи земель шла жестокая борьба между социалистами и аграрной партіей по вопросу о предпочтеніи того или другого вида владѣній. Борьба закончилась механически компромиссом. На пятом же году проведенія реформы, вновь созданных коллективных владѣній оказалось всего лишь нѣсколько десятков по всей странѣ, хотя закон нѣкоторыми постановленіями сильно стимулировал их создание.

В Греціи, согласно закона 28 февр.—12 марта 1920 года принято и широко проводится надѣленіе земель специально создаваемых земельных кооперативов. Но здѣсь мы имѣем перед собой переходную и временную мѣру. Кооператив должен существовать лишь до окончанія выплаты за полученную землю, послѣ чего члены его могут произвести раздѣл земли между собой и закрѣпить ее в собственности.

Таким образом, мелкое землевладѣніе, насаждаемое европейскими аграрными реформами, является землевладѣніем индивидуально-собственническим.

Однако, и здѣсь мы имѣем дѣло с принципиально новым явленіем. Эта собственность — не манчестерскаго типа. Государство стремится закрѣпить создаваемый им новый земельный строй, сильно связывает права новых собственников. На них накладываются цѣлый ряд ограничений, которыя дѣйствуют иногда только первое время послѣ приобрѣтенія земли, иногда же сравнительно долгій срок, а иногда бессрочны. Эти ограничения переходят и на преемников первоначально надѣленнаго лица. При дополнительном надѣленіи земель хозяйств, уже существующих, новый юридическій режим часто распространяется на землю, и прежде принадлежавшую крестьянину. Ограничивается сосредоточеніе в руках одного владѣльца большаго количества земли (Финляндія, Латвія). Запрещается отчужденіе полученнаго участка путем продажи, даренія и т. п. в теченіи опредѣленнаго срока. Иногда запрещеніе замѣняется предоставленіем государству права преимущественной покупки отчуждаемаго участка. Ограничена свобода совершенія ипотечных операций. Всѣ эти ограничения носят характер иногда безусловный, чаще же условный — т. е. требуется разрѣшеніе властей на совершеніе тѣх или иных актов. Особое вниманіе удѣляется сохраненію в цѣлости участка надѣльнаго. Постановленія законов, направленных против дробленія земельных владѣній, особенно многочисленны и детальны. Трудовой характер вновь создаваемых или усиливаемых хозяйств обезпечивается запрещеніем сдачи полученной земли в аренду другим лицам. От надѣляемаго требуют личной обработки полученной земли и, слѣдовательно, подразумѣвают, а в нѣкоторых случаях специально оговаривают постоянное проживание крестьянина на своей землѣ. Наконец, от надѣляемых требуют подчиненія директоріам государственных органов в веденіи хозяйства и в эксплоатации полученной земли. Требования этого рода, правда, скромны, но все же они встрѣчаются.

За выполненіем всѣх этих условий устанавливается контроль. Невыполненіе их влечет за собой санкции — чаще всего лишеніе получен-

ной земли. Иногда к этой санкціи прибавляются денежные штрафы и т. п.

Связанность прав новаго владѣльца достигаетъ высокой степени в случаяхъ созданія такъ назыв. «семейныхъ хозяйствъ» (Германія, Португалія), которые могутъ быть названы крестьянскими фидейкомиссами. Слѣдуетъ отмѣтить, что подобные институты не встрѣчаютъ большого сочувствія среди широкихъ слоевъ крестьянства. Заявокъ на созданіе такихъ хозяйствъ поступаетъ очень мало, несмотря на преимущества, предоставляемые имъ законодателемъ при полученіи кредита или другихъ видовъ помощи отъ государства.

Такимъ образомъ, с одной стороны собственность вездѣ устояла противъ націонализаторскихъ и социализаторскихъ стремленій (в Эстоніи она уступила, повидимому, только временно). Но вмѣстѣ с тѣмъ «абсолютность и священность» собственности сильно потускнѣли. Государство дѣлаетъ ставку на крестьянское хозяйство и одновременно стремится обезпечить себѣ максимумъ вліянія в этой области. Земледѣліе пріобрѣтаетъ все большее значеніе для жизни всей націи и занятіе земледѣліемъ начинаетъ пониматься, какъ социальная обязанность. С одной стороны, полный провалъ социалистическихъ попытокъ, с другой стороны, своего рода сумерки собственности. Владѣніе землей осуществляется в новыхъ формахъ, примирающихъ инициативу и свободу отдѣльнаго хозяина и контроль социального цѣлага, столь нужная при увеличивающемся значеніи земледѣлія.

* * *

Таковы характерныя черты происходящихъ или только что происшедшихъ в Европѣ аграрныхъ преобразованій. О размѣрахъ земельного сдвига говорятъ слѣдующія цифры, относящіяся

къ крестьянскому хозяйству. Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ терпитъ жестокіе удары, а в отдѣльныхъ странахъ совершенно ликвидируется законодательнымъ путемъ. Когда-то государственная власть развивала и поддерживала его во имя государственныхъ интересовъ и интересовъ національных. Теперь, во имя тѣхъ же интересовъ, классъ сознательно уничтожается и на его мѣсто становятся мелкіе трудовые землевладѣльцы. Эти пути земельной политики не случайны. Здѣсь дѣйствуетъ законъ, идущій черезъ вѣка — одной изъ главныхъ опоръ государства является общественная группа, владѣющая землей — соединенный с другимъ, уже современнымъ — маленькая группа людей не можетъ быть опорой государства, ею должны быть широкіе низовые слои народа.

Н. В. Быстров.

Крестьянство и его политическая организація в Финляндіи.

1.

По своему физическому облику Финляндія — страна безчисленныхъ озеръ и безконечныхъ лѣсовъ. По своему общественно-психологическому укладу, она — страна культуры, строгой законности, культа труда, личной свободы и культа индивидуально-собственническихъ началъ в крестьянскомъ хозяйствѣ. Последнее начало дополняется кооперативами, густо разселенными по всей странѣ — вплоть до самыхъ удаленныхъ и глухихъ углов *).

По даннымъ финляндской статистики, в 1920 году в деревняхъ живетъ 83,86% всего населенія, в городахъ лишь 16,14%. Чисто земледѣльческимъ трудомъ жило около 66%. Народный трудъ за послѣдніе 20 лѣтъ былъ занятъ:

Годы	В земледѣліи		На фабрикахъ и ж. дорогахъ		В торговлѣ		В прочихъ промыслахъ и безъ опредѣленныхъ занятій	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
1900	1 846 874	68'	288 843	13,4"	54 321	2%	448 873	16,6%
1910	1 937 198	66,3%	357 220	15,1%	64 589	2,2%	477 839	16,4%
1920	2 020 021	65,1%	459 751	18,2%	106 376	3,4%	414 913	13,3%

къ отдѣльнымъ странамъ. В Чехословакіи (за 1920—24 г.г.) фактически отчуждено 509 000 гектаровъ земли, пошедшихъ на надѣленіе 400 000 хозяйствъ. В Польшѣ (за 1920—22 г.г.) распарцелировано 370 000 гектар. в пользу 49 000 крестьянскихъ хозяйствъ. В Югославіи (за 1919—22 г.г.) в руки крестьян в результатѣ реформы перешло 50° 000 гектар. В Литвѣ (за 1920—23 г.г.) распарцелировано 141 000 гектар. и этой землей надѣлено 13 000 хозяйствъ. В Румыніи (1919—22 г.г.) реформа передала 4 485 000 гектар. во владѣніе 655 000 крестьянскихъ хозяйствъ. В Эстоніи (1920—23 г.г.) 897 000 гектар перешло къ 51 000 хозяйствъ. В Латвіи (к лѣту 1925 года) в крестьянскія руки передвинется площадь в 1 688 000 гектаровъ, причемъ общее число крестьянскихъ хозяйствъ (къ 1924 г.) уже увеличилось на 42 000. В Финляндіи новыхъ хозяйствъ образовано около 50 000 (за 1919—22 г.г.). В Германіи (за 1919—21 г.г.) крестьянское землевладѣніе усилено на 127 000 гектаровъ за два года.

Главную массу этихъ земель, переходящихъ в руки крестьянства, составляютъ земли помѣ-

Ростъ земледѣльческаго населенія идетъ неуклонно, хотя онъ и отстаетъ отъ роста фабрично-заводскаго населенія. Быстро растетъ торговля, поддерживаемая могущественнымъ кооперативнымъ движеніемъ. Значительно количество бѣднаго населенія с неопредѣленными занятіями но оно постепенно сокращается и, нужно думать, что проводимая теперь аграрная реформа сильно поможетъ дальнѣйшему сокращенію этой группы.

Суровая природа и тяжелый земледѣльческій трудъ не располагаютъ финляндскаго крестьянина къ какому бы то ни было рискованному экспериментамъ. Только то, что добыто экспериментальной наукой и проверено агрономической практикой в климатическихъ условіяхъ Финляндіи — можетъ тронуть душу крестьянина и завоспать его довѣріе.

Осторожное, очень реальное и изумительно практичное крестьянство является в огромномъ

*) См. книгу Ганнеса Гебгардта «Исторія кооперативнаго движенія в Финляндіи» С. Петербургъ, изданіе автора настоящей статьи.

своем большинствѣ мелким земельным собственником. Распределение землевладѣнія по данным 1920 года видно из слѣдующей таблицы:

Размѣръ хозяйствъ :	Число хозяйствъ :		Количество земл.	
	Абсолют. число	%	Абсолютное число	%
От 0,5 до 1 гект. . .	25.681	10,5	17.126	0,9
От 1 до 2 гект. . .	40.221	16,0	54.272	2,7
От 2 до 3 гект. . .	30.567	12,2	70.748	3,5
От 3 до 5 гект. . .	44.638	17,8	169.957	8,4
От 5 до 10 гект. . .	58.684	21,4	369.911	18,3
От 10 до 15 гект. . .	22.282	8,9	264.489	13,1
От 15 до 25 гект. . .	18.884	7,5	352.227	17,5
От 25 до 50 гект. . .	11.124	4,4	367.664	18,3
От 50 до 100 гект. . .	2.885	1,1	187.157	9,3
Свыше 100 гект. . .	937	0,4	162.096	8,0

Земли казенныя не входят в перечисленный состав частновладѣльской земли и составляют значительную площадь, исчисляемую в $\frac{1}{3}$ национальной территории.

Хозяйства размѣром до 1 гектара земли по почвенным и климатическим условиям нужно считать усадебными и с. х. значения эти хозяйства единицы не имѣют. Хозяйства размѣром до 3 гектаров считаются нежизненными, т. к. организовать в таких хозяйствах правильный сѣвооборот в природных условиях Финляндии — невозможно. Эти хозяйства были обречены на медленную смерть и только новая аграрная реформа позволит их *укрупнить* и довести до размѣров хозяйства «устойчивой» эксплуатации. Хозяйства размѣром от 3 до 5 гектаров можно считать вполне устойчивыми, если они расположены вблизи городов или по линиям желѣзных дорог, тогда в них можно вести интенсивное хозяйство с быстрым сбытом цѣнных продуктов в города или фабрично-заводскія мѣстечки. И только хозяйства от 5 до 10 гектаров и еще «нормальнѣе» от 10 до 15 и немного выше считаются типично крестьянскими, живучими, закаленными организациями, экономически здоровыми и очень выгодными. Эти хозяйства очень распространены и составляют в настоящее время основной тип однолошаднаго хозяйства. Этим хозяйствам принадлежит 31,4% всей земли и они составляют 30,3% всѣх хозяйств страны. Но финляндская практика и агрономическая наука на основаніи опыта и детальных расчетов считают идеалом для крестьянскаго хозяйства наличие площади от 15 до 25 и в нѣкоторых случаях от 25 до 50 гектаров. Этот тип хозяйства требует работы минимум двух лошадей, дает наивысшую производительность, а главное — имѣет возможность поднять на высшую степень культуры национальную базу сельскаго хозяйства: молочное дѣло. Хозяйства от 50 до 100 гектаров занимают скромную площадь в 9,3%, их можно отнести к высшим типам также чисто крестьянскаго хозяйства. И только хозяйства свыше 100 гектаров, являющіяся для Финляндии «крупными» хозяйствами, но таких хозяйственных единиц всего лишь 937, и они занимают 8% всей земли.

Полная картина финляндскаго сельскаго хозяйства требует еще вниманія к качествам финляндской земли.

Сильно заболоченной земли, почти безнадѣжной для с. х. культуры, сравнительно мало — около 2%. Кислых почв торфяниковаго типа, мало пригодных для обработки, очень много — 19,5%. Глинистых, очень часто совершенно тощих и холодных земель — 47,7%. Глинистая земля, хотя и холодная, но в большом почетѣ, т. к. хорошо осушенная глина дает недурные урожаи и долго держит внесенное удобрение. Песчаных почв, которыя почти всегда загромождены стихійным количеством камней, имѣется 30,8%. Последнія имѣют дорогое для Финляндии качество *теплых* почв, но онѣ требуют много удобрения, на них очень дорого обходится уборка камня и такія почвы легко и быстро истощаются.

Культурная, вполне разработанная площадь на всѣх этих почвах пока очень не велика: всего лишь 6,1%. Почти вся она занята *полевой* землей, которой в Финляндии 2.014.827 гектаров или 6,1% всей территории страны. Под *огородами* находится ничтожная площадь в 4.893 гектара и еще меньше под подсѣчным хозяйством — 3.277 гектаров. Как *естественные луга*, в острѣнѣ используется 577.743 гектара или 1,7% всей государственной площади, а под *пастбищами* (обычно кислыми и тощими) 634.788 гектаров, или 1,9%. Под всѣми этими угодіями занята площадь в 3.235.528 гектаров, что составляет только 9,7% всей территории государства.

Грандиозное количество земли — свыше 90% — еще не тронута культурой и ждет своего хозяина-крестьянина, сильного духом и легендарно настойчиваго в своем трудѣ. В 1918 и 1919 годах, когда Финляндия чувствовала острый недостаток в зерновых продуктах, правительство пошло на крупную материальную жертву. Было объявлено денежное вознагражденіе в 1000 марок (или 25 америк. долларов) за каждый вновь разработанный гектару земли. Вознагражденіе выдавалось каждому крестьянину, который разработает новый поля в точно установленный срок. Было разработано в этом ударном порядкѣ около 30.000 гектаров земли. Новая поля представляли часто длинную полосу камней, пней, вѣтвей, бревен, моха, глины бѣлой и глины зеленоватоголубой... Было на полях все, кромѣ земли. И если подойти к героическому труженику и спросить: «а гдѣ же поле, гдѣ земля?..» — долгое будет молчаніе... Медленно набьется трубочка, тихо и плавно потянется много раз синий дымок. Мысли медленныя, тяжелья, крестьянскія рисуют чарующую картину будущаго поля. Потом, наконец, поднимется рука, вся закорюзлая, в кровавых ссадинах, и гордо покажет на полосу хаоса и всевозможнѣйших материалов, а рот чуть слышно прошепчет: «здѣсь будет чудеснѣйшая рожь...»

И «здѣсь» дѣйствительно была чудесная рожь. Финскій крестьянин мало говорит, но его слова всегда точны и правдивы.

2.

Основателями финляндской крестьянской партіи — Maalaisliitto — являются: писатель-беллетрист Santeri Alkio и крестьянин, сын народнаго учителя Kyösti Kallio.

Партія возникла в 1906 году; тогда же она приняла впервые участіе в парламентских выборах. Первые успѣхи партіи были очень скромны. Малоопытная, не искусшенная в политической борьбѣ и еще очень слабо организо-

ванная, Maalaisliitto проводит только четырех членов «партии крестьян»; при общем числѣ членов сейма в 200 человек; крестьянские депутаты составляли едва замѣтную величину. Но дальнѣйшій рост крестьянской партіи был непрерывным. Тяжелыя условия труда финляндскаго земледѣльца среди суровой природы, безправное положеніе части безземельных крестьян (torppori), невозможность получить дешевый кредит, пренебреженіе со стороны городских партій самыми насущнѣйшими нуждами крестьянства и, наконец, рост социалистической силы — воспринимающейся собственнически настроенным крестьянством, как враждебная и опасная для уклада его хозяйственной жизни — все это способствовало росту классовой крестьянской партіи.

С революціей 1917 года, крестьянская партія разрастается в огромную политическую силу — консервативно-национальную и классовую с ярко выраженной земледѣльческой идеологіей и с широкой демократической программой. В настоящее время крестьянская партія имѣет за собой в парламентѣ 46 мѣст и выпускает 14 ежедневных газет. Моральная сила партіи в общественной жизни Финляндіи очень велика и дѣлается все больше и больше. Именно этот моральный вѣс партіи сказался в побѣдѣ Lauri Relander, члена крестьянской партіи и агронома, на президентских выборах. Молодая крестьянская партія дала также и президента финляндскаго парламента. Ея же дѣятелями, прежде всего ея лидером, создан и важнѣйшій закон Финляндіи — аграрный, получившій по имени лидера наименованіе «Lex Kallio».

Рост партіи тормозился все время и правыми элементами страны.

Правые нападали на республиканскую платформу крестьянской партіи*) и вели, под влияніем ориентации на императорскую Германію, ожесточенную монархическую пропаганду в пользу германскаго принца и прочили его в короли Финляндіи. Эта право-монархическая пропаганда увлекла консервативное и собственническое крестьянство, запуганное революционными опасностями для собственности. Когда Германія проиграла войну и финляндской буржуазіи нужно было «наскоро» мѣнять правую платформу и «слѣшно» перекрашивать право-монархическую идеологію в республиканскую, то и это «перестроеніе» правых сил было продѣлано с большим искусством и от крестьянской партіи с изумительной ловкостью отрывают, уже под право-республиканским соусом, верхи крестьянской арміи — наиболѣе культурную и зажиточную часть крестьянства. Зажиточное крестьянство *смертельно* боится за свой покой, за свое героическим трудом добытое хозяйство и... отдает свои голоса правым, считая для себя выгодным «на время социалистической угрозы» — застраховать и забронировать себя правой и «правовой» государственностью. Хозяйственное, домовитое, крайне осторожное крестьянство считает ряды своей крестьянской партіи менѣе обезпечивающими успѣх и болѣе опасными в борьбѣ с социалистами всѣх направлений. Только запуганность и неувѣренность в завтрашнем днѣ толкает эту часть крестьян-

ства в ряды правых, в тѣ ряды, которые непримиримо враждебны к социалистическим комбинаціям.

Мелкое, малоземельное крестьянство и часть даже зажиточнаго крестьянства из бывших «торпарей» в силу привычки и старых связей, а иногда и в силу симпатій, отдает свои голоса социалистам и крестьянская партія теряет и этот «низовой» отряд своей крестьянской арміи... Нужно еще упомянуть христіанских социалистов, которые тоже улавливают не мало голосов (имѣют 11 мѣст в парламентѣ) религиозно-настроенных и религиозно-организованных крестьян.

Несмотря, однако, на все эти трудности и замѣчательный политическій опыт буржуазіи, крестьянская партія в настоящее время все же мобилизовала около половины крестьянства под свое чисто крестьянское знамя.

При изученіи состава крестьянской партіи можно установить, что партія черпает свои силы по преимуществу среди активных и достаточно состоятельных (так называемые «крѣпыши») слоев крестьянства и среди крестьянской молодежи. Этим активом партіи опредѣляется и ея идеологія, и ея программа.

Активные слои крестьянства всегда энергично работали в кооперации, которая имѣет в Финляндіи огромную экономическую силу. Этот кооперативный отряд крестьянства находится на передовых позиціях и в его партіи. Богатство финляндскаго крестьянина нужно понимать, как богатство очень тяжелого, трудового происхожденія. В Финляндіи *очень* трудно создать независимое хозяйство; здѣсь нужно терпѣніе многих тяжелых лѣтъ и героическій личный труд. Скучная природа страны не бадует крестьянина и оттого в нем создается прямо священный культ частной собственности, и собственность для финна дѣйствительно священна. На границах (межах) земель частнаго владѣнія в Финляндіи, как часовые, стоят гранитные камни *за померами* и стоят они прочно.

Земледѣлец непрерываемо и без колебаній вѣрит в свою «святыню гранитную» *личнаго* труда, *личной* свободы и *личной* независимости. Поэтому и крестьянская партія пропитана в самых интуитивных уголках своей идеологіи и психологіи культом частной собственности и в ней ярко и сильно отрицаніе всего социалистическаго.

Крестьянская партія имѣет не только національный, но и націоналистическій характер. Аграрный, пламенный национализм крестьянской партіи пугает своей прямолинейностью даже правую буржуазію. Молодежь крестьянской партіи работает активно и с большой охотой в особых «охранных дружинах» (Suojeluskunta), задача которых в защитѣ, во первых, *родины*, во вторых, *парламентарнаго режима* от каких бы то ни было посягательств. Партія активно защищает поэтому военную «охранную идею» и всегда голосует за бюджет Suojeluskunta.

Поскольку на демократическія основы государственнаго устройства Финляндіи нѣтъ покушеній в насильственных, внѣ парламентарных формах, крестьянская партія стоит исключительно и всецѣло на почвѣ конституціонных методов борьбы, отстаивая республиканско-демократическую организацию государства и защищая политико-экономическіе интересы широких масс крестьянства.

*) Своему республиканизму крестьянская партія никогда не давала. Вѣрной ей она оставалась и в 1917-1918 годах, когда монархисты были в странѣ в большинствѣ.

Доступ интеллигенции в ряды крестьянской партии ничем не ограничен. Любовь к культуре и оценка образования в Финляндии столь высоки, что интеллигенция (в широком значении этого слова) культивируется всеми политическими партиями. Интеллигент в каждой партии является не только желанным гостем, но и действительным членом, которого ценят, любят и выдвигают на ответственные партийные посты. В рядах крестьянской партии Финляндии можно найти и врача, и адвоката, и судью.

Отношение крестьянской партии к крупному капиталу «сдержанное», но не враждебное. Крестьянская партия считает кооперацию и огромные кооперативные союзы приемниками и экономическими наследниками крупного капитала. Такой взгляд на преобразование «капиталистических форм» не только в теории: финляндские кооперативы — реальный фактор, который уже сейчас играет огромнейшую роль в народно-хозяйственной жизни страны и в частности — в накоплении ее народного богатства и в распоряжении им.

Крестьянская партия возникла на почве защиты классовых крестьянских интересов, но она также стремится завоевать *всему народу* справедливое и равноправное, материальное и культурное положение в общественной, экономической и политической жизни страны. В своей борьбе и работе крестьянская партия не стремится к захвату государственной власти, а желает только честно и влиятельно сотрудничать с партийными организациями города, приобщая крестьянство к строительству культурно-национальной жизни. Крестьянская партия желает сделать широкую сельскую массу равноправными участниками в эксплуатации естественных богатств страны и в справедливом распределении национального дохода, не нарушая при этом основ частной собственности и не посягая на личную свободу отдельных граждан.

Такова, в общих чертах, характеристика крестьянской партии Финляндии.

Григорий Бренев.

Из жизни нашей организации.

Пражская группа.

В ноябрь минувшего года пражская группа специально устроенным вечером отпраздновала первую годовщину своего существования.

За прошедшие с тех пор шесть месяцев второго года группа жила довольно интенсивной жизнью. За это время на две трети увеличился ее состав, с которым группа вошла во второй год жизни; были созданы три специальных постоянных комиссии (организационная, освещательная и агитационная), проведено шесть общих собраний группы; организовал один публичный доклад в Праге (С. С. Маслова на тему — «Новая деревня и новая Россия») и проведено пятнадцать собраний («четвергов») пражского клуба «Крестьянской России», на которых были прочитаны доклады на четырнадцать различных тем с прениями по слѣдующим докладам.

Все время группа имѣла свое Бюро в составе трех членов и двух кандидатов к ним и своих постоянных представителей в Центральном Бюро Заграничных групп «Крестьянской России» (одного) и в редакцию «Вѣстника Крестьянской России» (двое).

Бюро группы, кроме своих регулярных еженедельных заседаний, имѣло еще четыре соединенных заседания с Центральным Бюро; большинство членов группы принимало участие в расширенных заседаниях Центрального Бюро, которых было три. Технические секретари Центрального Бюро и редакций сборников «Крестьянская Россия» в течение пяти минувших месяцев были членами группы.

Как видно из этого обзора групповой жизни, наиболее постоянным и замѣтным проявле-

нием ее были клубные «четверги» группы. В них принимали участие, как члены группы и Центрального Бюро, так по приглашению Бюро группы и посторонние, не принадлежащие к составу организации.

Число участников «четвергов» колебалось между пятнадцатью и тридцатью пятью, причем многолюдность собраний с течением времени увеличивается. Посещаемость клубных собраний членами пражской группы колеблется в пределах от 50 до 75% всего состава группы.

Основные задачи, которые ставились перед клубом при его создании в начале 1924 года, группа видѣла в выработке общих точек зрения по большому или злободневным вопросам общественной жизни, пользуясь соответственными докладами и прениями по ним, в особенности, конечно, по вопросам и явлениям, связанным с жизнью России.

Прочитанные за минувшие шесть месяцев на «четвергах» доклады, относились к слѣдующим вопросам и явлениям:

Н. В. Быстрова — *О Савинковѣ* (в связи с его переходом к большевикам).

Н. В. Дзѣвановскаго — *В Бессарабию*.

А. А. Рышкина — *Казачий вопрос*.

Б. В. Съдакова — *В Подкарпатской Руси*.

С. С. Маслова — *Крестьянское хозяйство и социализм*.

Б. К. Семенова — *Русская деревня в Эстонии*.

Н. В. Быстрова — *О пределах свободы слова*.

Е. Д. Кусковой — *Об отношении к советской власти*. (Два четверга).

Б. К. Семенова — *Современный тип русского оптимиста и его будущее*.

Н. В. Быстрова и Б. К. Семенова — *Типы крестьянского хозяйства и отношение к ним.*

С. С. Маслова — *Новое в русской деревнѣ.*

В. П. Клонова — *Земельная революція в Россіи.*

М. А. Циммермана — *Международное положение Россіи и ея будущія задачи в международной политикѣ.* (Два четверга).

С. С. Маслова — *Соціализм в идеологій «Крестьянской Россіи».*

Темы докладов на первый взгляд представляются разнообразными до пестроты и случайности. Это впечатлѣніе ошибочно: из четырнадцати докладов семь ставили и рѣшали вопросы идеологического и программного характера, один — большой тактической вопрос, четыре доклада являются по преимуществу (но не полностью) освѣднительными, причем три из них относятся к жизни деревни; только два из докладов могут быть посчитаны дѣйствительно случайными, но один из них был связан с событіем, привлечшим вниманіе русской эмиграціи и вызвавшим в то время оживленные толки (переход Савинкова к большевикам).

Начиная с этой книжки «Вѣстника», освѣднительная коммисія группы предполагает передавать на страницах журнала наиболѣе интересные из докладов на «четвергах», поскольку они не будут публиковаться в видѣ специальных статей, и пренія по ним.

На этот раз мы ограничиваемся передачей в сжатом, почти конспективном видѣ доклада С. С. Маслова — «Новое в русской деревнѣ», легшаго вмѣстѣ с преніями по нему в основаніе публичного доклада, прочитаннаго докладчиком в Прагѣ и в Брно (в февралѣ и мартѣ текущаго года).

Новое в русской деревнѣ.

Историки не раз отмѣчали для темпа исторического развитія его ускореніе. Это ускореніе проявилось и в исторіи крестьянской борьбы в Россіи. До сих пор она имѣла два фазиса: борьба против дворянскаго душевладѣнія и борьба против помѣщичьяго землевладѣнія. Теперь мы живем в началѣ третьяго фазиса борьбы за «властевладѣніе». Добившись юридической свободы, завоевав землю, крестьянство дѣлает теперь первые шаги по пути овладѣнія политической властью.

Первый фазис борьбы затянулся свыше, чѣм на столѣтіе; борьба и побѣда во втором фазисѣ потребовали лишь два-три десятилѣтія; если ускореніе бѣга исторических событий — постоянный факт, можно думать, что третій фазис будет еще короче, хотя задача тут го-

раздо сложнѣе, чѣм для двух первых періодов борьбы.

Крестьянство — важнѣйшее слагаемое в статикѣ Россіи, а его движеніе и борьба — важнѣйшій фактор ея динамики. Побѣда крестьянства в его борьбѣ отражалась поэтому послѣдствіями огромнаго значенія для всей общественной жизни Россіи, во всѣх ея проявленіях и сторонах. Могуче рикшетное дѣйствіе крестьянской борьбы и побѣд и в послѣдніе годы. К введенію НЭПа совѣтская власть была вынуждена состояніем сельскаго хозяйства, которое в порядкѣ протеста против экономической политики власти, крестьянством свертывалось, и крестьянскими возстаніями. То и другое сыграло рѣшающую роль в появленіи и Кронштадтскаго возстанія, бывшим послѣдним толчком, повалившим «военный коммунизм». Борясь разными мѣрами против послѣдняго, крестьянство преслѣдовало свои групповые интересы, но когда оно получило при НЭПѣ частичное удовлетвореніе их, — благотворные результаты крестьянскаго успѣха сильно и положительно отразились и на всей хозяйственной жизни Россіи. Частичная свобода для крестьянскаго хозяйства принесла с собой частичную свободу и для всего народнаго хозяйства... Новый фазис крестьянской борьбы не может не получить такого же широкаго отраженія и на всем укладѣ политической жизни Россіи. Эта неразрывная связь состоянія и поведенія крестьянства с судьбами всѣх сторон и всего содержанія русской жизни, выводит новую борьбу, начатую крестьянством, далеко за предѣлы групповаго значенія и придает ей большую общегосударственную, общеклассовую роль.

Какими мотивами деревня Россіи поднята на новую, только начинаемую борьбу? И в чем ея отличіе от борьбы предшествующих лѣтъ?

Борьба предшествующих лѣтъ — до НЭПа — диктовалась крестьянству состояніем его личнаго хозяйства. Деревня отстаивала тогда *хозяйственную* свободу только для себя, для своего сельскаго хозяйства. Она не ставила вопроса ни о свободѣ для других сторон и отраслей народнаго хозяйства, ни о свободѣ политической. Добившись освобожденія своего хозяйства от цѣпей «военнаго коммунизма», деревня использовала полученный простор для хозяйственнаго творчества. Используя его, она уперлась со своим растущим хозяйством в тупики, которые создаются націонализацией промышленности и внѣшней торговли, налоговой системой, денежным обращеніем... Упершись в тупики, крестьянство ищет теперь средств взорвать преграждающія стѣны... Стихийно, полусознательно, руководясь темным и смутным ощущеніем, а не продуманной про-

граммой, деревня становится на пути политической борьбы — борьбы за политическое влияние, за политическую свободу, за свое новое политическое положение, соответствующее его значению... Эта борьба, имея в качестве главного стимула экономические интересы, дополняется стимулирующим воздействием других видов политики, которую ведет советская власть в отношении деревни. Эти добавочные стимулы дают разные виды современного угнетения деревни — религиозное, культурное, правовое...

Каково же было использование деревней того пространства для хозяйственной деятельности и творчества, предоставленного НЭПом?

Значительные районы возродили свое хозяйство и вся площадь посевов за 1923 и 1924 годы поднялась на 17 миллионов десятин. Больше, чем на 10 миллионов поднялось количество рогатого скота и лошадей.

В рядъ районов молочное скотоводство превысило цифры 1916 года. Свиноводство России приблизилось к уровню 1916 года. В крестьянском хозяйстве можно отметить, как общую тенденцию, усиление внимания к скотоводству по сравнению с прошлым довоенным периодом. Идет, усиливаясь в направлении с востока и юго-востока на запад и северо-запад, вообще интенсификация сельского хозяйства. Быстро ширится многополье. Распространяется вспашка на зябь и ранние подъемы паров. Усиленный спрос на улучшенный посевной материал. Появились отсутствовавшие прежде крестьянские товарищества семеноводов. Зерноочистительные машины в таком почете и такой работе, в каких они не были никогда. Идет коренное улучшение земель, при котором неудобья превращаются в культурные угодья, а использованные, но запущенные угодья — в новые, более выгодный вид. Рядки прежде мелiorативных товариществ удлинались массовыми. Хозяйство деревни улучшается в своей организации, в технике и поднимается в размерах.

Россия велика и многолика. Поэтому идущий в общем процессе многостороннего подъема ее сельского хозяйства, располагается на великих равнинах пятнами. Юго-восток, например, поднимается медленно, еле-еле; черноземная полоса, наоборот, дает картину подъема быстрого и яркого. Зато: при общей картине подъема, есть и задержки, наблюдается и попятный ход. Виною — политика власти. Крестьянство нуждается в удобном, выгодном и быстром выходе с продуктами своего хозяйства на внешний рынок. Но внешняя торговля — монополия власти. Организация Комисариата Внешней торговли сложна, неподвижна, дорога, его поведение часто преступно глупо. Громадные накладные расходы и для

крестьян невыгодная, искусственная политика цен на с. х. продукты, неподвижность бюрократического аппарата рождают крылья у крестьянского хозяйства. Сюда прибавляется такое же действие высоких цен на промышленные изделия, тяжкие налоги на сельское хозяйство, весьма дурные способы их исчисления, варварство в порядках взимания и т. д.

Крестьянство стонет. Оно видит, что с невзростным усилием, подняв и подправив свое хозяйство, оно оказывается в удушающих его тисках политики власти — промышленной, торговой, таможенной и т. д. В его сознании рождается смутная мысль, что одной хозяйственной свободы в пределах своего хозяйства, мало, нужно раскрытие всего народного хозяйства и нужна иная политика во многих других областях жизни. Переменить эту политику можно только сильным представительством своих интересов во власти.

Отсюда — увеличение многолюдности крестьянских собраний при выборах в советы, усилению активности на собраниях, толки о своем, крестьянском, союзе, о своих, крестьянских, газетах, усилению деревенского террора, направленного против агентов и сторонников власти и т. д.

Политическое движение в современной деревне усиливается тем обстоятельством, что на сцене послѣ голодовок эпохи «военного коммунизма» стало сытѣе, а главное тем, что усилилось чувство личности, ее интересов и прав в массовом деревенском человеке.

Этот рост личности лежит, как фундамент, под хозяйственным подъемом в деревне. Тут проявилось общее и постоянное действие на социальные низы войн и революций.

Этот рост личности сказался и в других сторонах жизни деревни.

Она отразилась на землевладении. Современная деревня с небывалым увлечением перестраивает свою хозяйственную территорию. Несмотря на дороговизну землерных работ и перенос всей стоимости их на средства заинтересованных групп, технических сил не хватает. Межевание и новая организация страшно отстают от желаний и запросов крестьянства. Собираясь, желая и начиная хозяйствовать по новому, деревня с жаром ушла в перестройку старых границ и прежних форм землепользования. Индивидуализация является центральным фактом в современном землеустройстве. Идет, во первых, дробление земель крупных селений на части, сопровождающееся массовым переносом крестьянских усадеб на новые выселки; во вторых, рождают землю на хутора и отруба. Существующие цифры о величине участкового землепользования преуменьшают и размеры послѣдняго (так как хуторское и отрубное землепользование

маскируется в нѣкоторых районах групповой его внѣшностью), и еще болѣе, силу устремленія в эту сторону крестьянства (т. к. власть в рядѣ мѣст борется с участковым землепользованием).

Выросшую личность мы видим и в семейной жизни. В этой области ряд новых явленій: 1. эпидемія семейных раздѣлов, доходящая до безумія, 2. кажется улучшилось (докладчик в этом не вполне увѣрен) положеніе женщины в крестьянской семьѣ, она — менѣе угнетена. 3. появилась проблема «отцов и дѣтей», прежде или отсутствовавшая, или слабо выражавшаяся: молодое поколѣніе сильнѣе задѣто событіями послѣдняго десятилѣтія, чѣм поколѣніе старшее, сильнѣе и реагировало на них и отсюда разница в психологій, взглядах, поведеніи «отцов и дѣтей»; 4. в области брачных отношеній повсемѣстно и рѣзко поднялась самостоятельность брачующихся; свой выбор они дѣлают по индивидуальным желаніям; в «благословеніи отца — матери» уже не нуждаются; идут и против родительской воли; «самоходки», «самокрутки» — повсемѣстное явленіе в Россіи.

Распущенность в половых отношеніях и непрочность брачнаго союза, такіа рѣзкія в первые два-три года совѣтской власти, деревня постепенно изживает. Помогли тут и новыя нормы гражданскаго кодекса. Неблагополучіе, однако, остается в этой области и до сих пор, хотя деревня со своим болѣе крѣпким бытом, бесспорно, стоит тут гораздо выше города.

Интересно состояніе религіозной жизни в деревнѣ. Докладчик вывез из Россіи твердыя впечатлѣнія о ея подѣмѣ послѣ и в результатѣ войны и революціи, как в городѣ, так и в деревнѣ. Теперь, кажется, надо внести в эти впечатлѣнія поправки. Подѣм религіозности в городѣ остается и подтверждается. Религіозный подѣм в деревнѣ — спорен и сомнѣнія, кажется, нужно разрѣшить в сторону отрицанія подѣма и признанія упадка религіозной эмоціи. Во всяком случаѣ, по напряженности религіозная жизнь в городѣ и деревнѣ — несравнимы. В этом сказывается разная упругость города и деревни: болѣе тонкую, сложную и хрупкую душу города тяжесть революціонных событій не только надломилла, но и сломала; варварски-свѣжая, сильная и достаточно примитивная душа деревни не согнулась под этой тяжестью. Наоборот: можно утверждать, что событія революціи явились «живою водою» для массовой психологій деревенских жителей. Поэтому, жизнью сломленный город ослабѣл, потерял активность и ушел в церковь и религію, как мѣсто и область, в которыя не достигают звуки страшной жизни и царит покой. Деревня в такой отрѣшенности от жизни и в уходѣ от нея не нуждалась или, нуждалась меньше — даже меньше, чѣм

прежде. Отсюда отсутствіе подѣма религіозных переживаній в деревнѣ и весьма вѣроятный упадок их.

Выросшая личность массоваго деревенскаго человѣка, ея способность и стремленіе стоять на *своих* ногах и все мѣрять *своим* личным аршином, в религіозной жизни выразилась в том, что современная религіозная жизнь строится «на много углов». Сохраняется старая православная вѣра; усиливается сектантское движеніе, обвѣянное духом рационализма; усиливаются язычскія вѣрованія и приемы; распространяется безвѣріе. В трех послѣдних явленіях — отрыв от традиціи, от стараго, вѣками сложившагося быта, от завѣтов и наслѣдія предков — явленіе неизбѣжныя при ростѣ личности. Сектантское движеніе с его ярким и благотворным влияніем на личную жизнь, на семейныя и общественныя отношенія — вплоть до чистоты в одеждѣ сектанта, до чистоты его жилища — производит наиболѣе сильное впечатленіе из всего новаго, что видишь в деревнѣ современной Россіи.

Докладчик оговаривается: во всѣх явленіях повизны — много старины. Нѣтъ ни одного явленія в жизни современной деревни, даже самаго, казалось бы, современнаго, которое совершенно отсутствовало бы в деревнѣ перед революціей. Новизна новаго — не в *содержаніи* явленій, а в их дѣйствительно *новом, массовом* характерѣ.

В дальнѣйшем докладчик останавливается на характеристикѣ образованія в деревнѣ, на сельских кооперативах и сельских организаціях правящей партіи — коммунистических ячейках и союзах коммунистической молодежи. В разпой силѣ, с которой откликаются на зыванія в коммунистическую партію старшія поколѣнія деревни и молододы (процент участія деревенской молодежи в комсомолѣ в восемь-десять раз выше, чѣм процент участія взрослоаго сельскаго населенія в ком'ячейках), докладчик видит рѣзкое выраженіе розни между «отцами и дѣтьми» и сильное доказательство существованія в современной деревнѣ проблемы «отцов и дѣтей», которая прежде была достояніем лишь образованных кругов страны.

Сельскій «комсомол» — явленіе весьма своеобразное и трудно сказать с опредѣленностью — союзник ли власти тут создается или ея противник; друг или враг деревни. Во всяком случаѣ деревенскіе интересы находят свое довольно яркое выраженіе в поведеніи комсомольцев, а подавленіе интересов и прав деревни городскими часто вызывают сплоченный отпор со стороны «комсомольцев». Состав послѣдних сложный: тут и «прожженные» хулиганы прежняго села, и здоровая ищущая молодежь, рвущаяся к знанію.

Доклад заканчивается доказательством важности начавшейся борьбы деревни за власть для всей страны и для всего ея будущаго. Докладчику кажется, что новый третій фазис крестьянскаго движенія закладывает широкій и прочный фундамент для созданія политиче-

ской демократіи в Россіи, так как прочная демократія существует лишь там, гдѣ широкія массы населенія почувствовали и осознали неразрывную связь своих прямых и непосредственных интересов с политикой власти в разных областях жизни.

Адрес редакціи „Вѣстник Крестьянской Россіи“: Karoliny Světle 16, Praha I. Tchěchoslovaquie.

Цѣна номера: { 8 кор. чешских.
4 франц. фр.
1 герм. мар.

СБОРНИКИ „КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ“

Под редакціей **А. А. Аргунова, А. Л. Бема, С. С. Маслова**

Изданіе посвящено разработкѣ вопросов, выдвигающихся перед демократической Россіей и, в особенности, перед будущим строителем ея — трудовым крестьянством.

Готовится к печати № 10.

В вышедших 9 номерах «Крестьянской Россіи» помѣщены статьи слѣдующих авторов: А. Аргунова, Баратынскаго, А. Бема, П. Богданова, А. Боголѣпова, Б. Бруцкуса, Б. Булгакова, Н. Быстрова, Е. Вальническаго, П. Виноградова, М. Волкова, П. Гронскаго, И. Демидова, Діонео, Дитце, С. Дупаринова, Н. Жекулина, С. Завадскаго, Ст. Ивановича, Д. Иванцова, В. Ижемскаго, В. Каратаева, А. Кизеветтера, В. Кильдинскаго, Фр. Козентини, Ф. Колесова, С. Кон, К. Кочаровскаго, Е. Кусковой, А. Леонтьева, Д. Лутохина, Н. Макарова, А. Малахова, Н. Маличкаго, Н. Малолѣтненкова, А. Маркова, С. Маслова, Мар-ина Н. Милюкова, М. Московлевича, С. Николаева, К. Оберучева, А. Омелянова, В. Португалова, С. Прокоповича, П. Сорокина, З. Слудова, Н. Тимашева, Н. Ульянова, Учителъницы, Ю. Фидлера, Христіана, Б. Цитовича, Н. Чаадаева, А. Челинцева, А. Чупрова, А. Шилкова, Ф. Щербини и др.

Адрес редакціи: Praha I, Karoliny Světle 16 „Křestianskaja Rossija“.

Склад и представительство „Наша Речь“ Praha, Jeřпа 32.

„СВОБОДНАЯ РОССІЯ“ РЕСПУБЛИКАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ОРГАН

В АПРѢЛЬ ВЫХОДИТ № 7-й

Содержаніе № 6: *Передовая*. Из огня да в полымя. В. Розенберг: От неурожая к голоду. А. Боголѣпов: Совѣтскій федерализм. С. Маслов: Демократизация агр. строя в Европѣ. Ст. Иванович: Коммунизм и соц. революція в Германіи. П. Богданов: Большевики и деревня. *Иностранное обозрѣніе*. Из Россіи. *Хроника признанія сов. власти*.

Цѣна отд. номера: 8 кор. чешских, 1 герм. марка, 4 франц. фр.

Продажа во всѣх русск. кн. маг. заграницей.

Библиотека изд-ва „Свободная Россія“

Вышли и имѣются в продажѣ брошюры: 1) Ст. Иванович. Росс. коммун. партія и 2) А. Марков. Совѣтскій бюджет и народ. хозяйство.

Цѣна брошюры: 8 кор. чешских, 1 герм. марка, 4 франц. фр.

Адрес редакціи: 1. Karoliny Světle 16, Praha I.

2., Les Dernières Nouvelles", 26 rue Buffault, Paris

Вышел из печати № 5 литературно-художественного
и общественно-политического иллю-
стрированного журнала

„СВОИМИ ПУТЯМИ“

издаваемого Русским Демократическим
Студенческим Союзом в Чехословакии.

Под редакцией Н. А. Антипова, А. А. Воеводина,
А. К. Рудина, С. Я. Эфрона.

Содержание: Рассказ: Н. Болѣсписа. Стихи: Серг. Рафальскаго, Вяч. Лебе-
дева, А. Фотинскаго. Статьи и замѣтки: проф. С. Гессена, проф. А. А. Кизе-
веттера, Е. Недзѣльскаго, Н. Антипова, А. Осокина, Марины Цвѣтаевой,
А. Воеводина, Кн. Чхеидзе, и др.

Адр. редакції: Praha—Vinohradi, Nerudova ul. 48, A. Vojevodin.

Цена в Ч. С. Р. 5 крон, за границей 15 ам. центов.

Ген. представительство и склад „ПЛАМЯ“ Praha II, Ječná ul. 32.

ВѢСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

Издание центр. бюро загранич. групп „Крест. Россіи“

*

Содержание № 1

1) Задачи журнала. 2) Сергѣй Маслов. Кре-
стьянская Россія“. 3) Вънѣ рядов демо-
кратіи. 4) Кирилл I. 5) Вѣсти из Россіи:
К. Долинин. О современной деревнѣ, П. Б.
Совѣтская деревня, „Бутырки“

*

Адрес ред. и конторы: III. Karolíny Světle 16. Praha I.

Цѣна № 1: 3 кор. чеш., 40 пфен., 2 фр.